

18+

Анна Жнец

ДАЙ ТЕБЯ
НЕ СПАСЁТ

Анна Жнец

Рай тебя не спасёт

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67568960

SelfPub; 2022

Аннотация

Чтобы отомстить убийцам родителей, Ева готова продать душу демону. Велару этого мало. Он жаждет получить всё: её тело, душу, любовь. Душу можно купить, тело – взять силой. А любовь? Как добиться любви, если между ним и истинной океан ненависти?

Содержание

Часть I. Девушка с трагедией	4
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	17
Глава 4	25
Глава 5	29
Глава 6	33
Глава 7	35
Глава 8	50
Глава 9	57
Часть II. Дом твой – Пустошь	65
Глава 11	74
Глава 12	85
Глава 13	92
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Анна Жнец

Рай тебя не спасёт

Часть I. Девушка с трагедией

Пролог

Часто правда невероятнее любых преданий и домыслов, настолько ужасна или удивительна, что не приходит в головы обывателям. Демонов боятся. Считают порождением зла. Про их жестокость слагают легенды, которые со вкусом рассказывают. Сколько фильмов снято и книг написано про наши отчаянные попытки завладеть человеческой душой?! А как известно, в каждой даже самой фантастической сказке есть, пусть и маленькая, крупица истины.

Нет, демоны не вселяются в людей. Не искушают деньгами и властью, вербуя новых адептов. Не варят грешников в кипящей смоле и не танцуют с вилами вокруг бурлящих котлов. Ад не такой, каким его рисует больное воображение. А рай повергнет непросвещённых в шок. О, как бы вытянулись лица земных церковников при виде настоящего бога и настоящего дьявола! О, как бы я посмеялся над их смятением!

Что касается той самой крупички истины: мы, демоны, заключаем сделки, стремясь завладеть эфемерной сущностью,

которую смертные называют душой. Но искушаем не всех подряд, словно неразборчивые в связях сирены, а ищем того единственного, к кому привязываемся навечно. Так уж повелось, что каждому из нас судьбой предназначен человек. Он может родиться в любую эпоху, в какой угодно стране, не подозревая о своей участи. Демоны столетиями ждут избранных, чтобы утолить голод – чувство, которое напоминает и ноющую боль, и сводящий с ума, нестерпимый зуд. Никто не поверит, но в бесчисленном множестве параллельных миров нет более преданных своим партнёрам созданий. Демоническая любовь бескорытна. Даже если человек нас предаст или его искалечат до неузнаваемости, мы обречены желать его столь же страстно, как раньше. Инстинкт. Химия. Проклятие.

Неудивительно, что за эту заветную душу демоны готовы бороться любой ценой, прибегая к хитрости и насилию: зная о последствиях, мало кто из смертных соглашается отправиться в ад добровольно. Заключая контракт, мы забираем половину незримой, нематериальной субстанции, которой сами не обладаем. Эта субстанция заполняет в нас пустоту, даруя долгожданное облегчение.

* * *

Своё потенциальное облегчение я встретил шесть месяцев назад и до сих пор пытаюсь придумать, как получить желаемое честным путём. Тщетно. Будь моя избранница романтической барышней, я бы явился к ней в inferнальном

облике, увлѣк безупречной внешностью и ореолом опасности. Некоторые везунчики так и делали: их пары, юные и наивные, охотно расставались с частью души и даже гордились собственной жертвой, чувствуя себя героинями любовных романов. Позже иллюзии разбивались о суровую реальность Пустоши.

За полгода я в достаточной мере изучил свою смертную, чтобы понять: такая схема с ней не пройдёт. Ева была не из тех, кто грезил по ночам о прекрасном принце, убивающем ради неё драконов. Мне нравились её упрямство и независимость, но эти качества создавали неудобства. У меня был только один шанс заключить контракт, и я, как обычный смертный, отчаянно боялся этот шанс упустить. Боялся настолько, что за полгода так и не решился предпринять хоть что-нибудь. Пришла пора оставить благородные порывы и поступить так, как испокон веков заведено у исчадий тьмы.

Глава 1

Я коснулся стекла – и оконная ручка со стороны комнаты тихо скрипнула, поворачиваясь. Под порывом ветра рама распахнулась вовнутрь. Сырая осенняя ночь с холодом и дождём остались снаружи, а меня обдало волной тепла из обогревателя, гудящего в углу. Я успел сложить крылья за миг до того, как раздался шорох автомобильных шин по асфальту. Во двор вырулила машина и притормозила рядом с подъездом. Свет фар скользнул от стены к стене, выхватив из темноты расстеленный диван и лицо спящей девушки. Обернувшись, я задёрнул штору. Не хотелось, чтобы меня заметили с улицы. Окна соседнего дома ещё горели. Внутри оранжевых прямоугольников мелькали фигуры.

Эту маленькую комнату, погружённую в полумрак, я изучил от и до. Бывал здесь не раз. Помнил, что вторая половина слева от двери скрипит и наступать на неё нельзя: можно разбудить спящих. Знал, что одна лампочка из трёх в потолочной люстре перегорела, а другая порой начинала мерцать; что компьютер в углу не выключался никогда и монитор светился голубым даже ночью. На столе лежал раскрытый ватман с чертежами, а в нижнем ящике под бумажным хламом хранился альбом, – обычный детский альбом с мультяшными героями на обложке. Каждый вечер девушка вытаскивала его, чтобы воткнуть между чистыми листами

очередную вырванную из ученической тетради страницу или клочок бумаги с карандашным эскизом. Где-то за пределами этой уютной комнаты с бежевыми обоями и фотографиями на стенах она рисовала: чёрно-белые пейзажи, схематичные наброски фигур и лиц, реалистичные портреты и абстрактные образы. Невидимый, я часто стоял за плечом художницы, пока она листала свои работы, так глубоко погружившись в мысли, что можно было незаметно дотронуться до её волос: Ева принимала это прикосновение за порыв ветра из приоткрытой форточки.

И сейчас, зная, что невесомая ласка не потревожит сон, я не позволял себе многого. Помнил о голоде, о том, как легко демону сорваться. Стоял и смотрел. Вечность.

Признаться, меня самого пугала такая одержимость человеком. С тех пор как я нашёл Еву в далёком сорок втором секторе мира смертных, все мои интересы сузились до одного-единственного. Никогда бы не поверил, но, оказывается, можно часами наблюдать за тем, как кто-то читает книгу при свете ночника или, склонившись над ватманом, подправляет чертежи чёрной ручкой. Пытка – смотреть и не иметь возможности прикоснуться, утолить ненавистный голод. Стоило узнать, что моя пара родилась, уже существует где-то в материальном воплощении, как инстинкты мгновенно проснулись. Они кричали, требовали: «Возьми! Это твоё!» – и сдерживаться, терпеть сверлящую боль в груди становилось сложнее. Я смотрел на девушку в жалком метре

от меня и испытывал злость на собственное бессилие, но в то же время – мучительное блаженство. Тысячи лет я ждал эту душу, момента, когда ощущение пустоты и хаоса внутри полой демонической оболочки сменится сытым удовлетворением.

Чужую душу можно получить только добровольно, когда человек понимает, на что соглашается. Но демоны на то и исчадия тьмы, чтобы хитрить. Сообщать все детали не обязательно. Подробности стоит умолчать, чтобы не спугнуть ценную добычу.

Издавна демоны шли к своим целям самыми разными путями, как правило, не слишком порядочными: искажали факты, играли на человеческих слабостях, создавали невыносимые ситуации, вынуждая подписать контракт, – но взять и отнять желанное силой не могли. Как и при земной церемонии заключения связи, было необходимо услышать осознанное и чёткое «да». После капкан захлопывался – избранник оказывался в ловушке.

Одно время по Пустоши гуляла история. Кто-то из моих соплеменников отправил наёмника, чтобы тот облил его сказочно прекрасную избранницу кислотой. Говорили, что красотка, наследница состояния, не имела ни малейшей причины соглашаться на сомнительную связь с незнакомцем. Контракт заключили, стоило несчастной прийти в сознание: изуродованная девушка готова была на всё, лишь бы вернуть внешность и зрение.

Конечно, такая жестокость редка и не одобряется. Большинство из нас трепетно заботятся о партнёрах: от этого зависит наше собственное благополучие. Демоны маниакально следят за безопасностью драгоценных душ. И тем не менее люди в Пустоши беззащитны и считаются законной собственностью супругов. А значит, что угодно может твориться за закрытыми дверями домов, – там, где все привыкли жить максимально уединённо.

Тёмные существа не нуждаются во взаимности. Отсутствие голода, избранник, к которому можно прикоснуться, – вот наивысшее счастье для беса. Но мне хотелось не только, чтобы пара меня терпела, и уж тем более я не мог вынести мысли о вероятной ненависти. Я желал пусть не любви – хотя бы принятия и симпатии, однако не представлял, как заключить брак, не превратив нас с Евой в заклятых врагов.

* * *

Незаметно подкралось утро. Комната наполнилась серым сумраком. В реальность меня вернул шум работающего во дворе двигателя. Снаружи люди заводили машины, отправляясь по делам. Хлопала дверь подъезда. За стеной на лестничной клетке слышались голоса.

Пора уходить. Разве не безумие часами стоять неподвижно и смотреть на спящего человека?

* * *

В гостиной горел камин. Уходя, я потушил огонь во всех комнатах: дом был тёмен и пуст. Теперь же я слышал треск

дров и едва различимый скрип пера по бумаге. Сквозь арку в коридор лился свет. Блики пламени отражались в чёрных досках пола, как в зеркале. В кожаном кресле застыла фигура. Тьма скрывала плечи и голову, склонившуюся над столом. Лист бумаги и рука, сжимающая перо, попадали в островок света от очага. Раздраженный, я остановился рядом с окном, которое изо дня в день показывало одну и ту же туманную серость.

«Стыдись: я делаю твою работу», – сказала Махаллат, не отрывая взгляда от документов.

Слева от её локтя возвышались две высокие башни из картонных папок, готовые рухнуть под своей тяжестью.

– Не стоило. Я бы закончил в срок.

Сестра скептически хмыкнула и тяжело откинулась в кресле:

– Я понимаю, спустя много лет ты обрёл пару. Но, пожалуйста, не забывай о своих обязанностях.

Махаллат устало провела рукой по лицу. Внутри заворочалось глухое чувство вины, когда я заметил, что белки её глаз сплошь покрыты сетью кровеносных сосудов.

– Знаешь, чем я занималась, пока тебя не было? В списках, которые подали жнецы, оказалось на одну душу меньше, чем поступило по факту. Ты, как всегда, отсутствовал, – укоряющий взгляд. – Разбираться со всем этим пришлось мне. Совет жнецов нервничает. Танатос молчит и явно что-то скрывает. Я хотела поговорить с Молохом. Он единствен-

ный из верховных богов смерти, с кем можно нормально общаться. Но выяснилось, что его уже неделю нет в Крепости и никто не знает, где он.

– Войны, эпидемии... Мало ли у жнецов работы? – я отмахнулся от её слов. Единственное, что меня занимало, – как, Огненная ночь, заключить проклятый контракт? Ни о чём другом думать и говорить не хотелось.

– Нет, я чувствую: что-то случилось. Ты бы видел, как затрясло Танатоса, когда я запросила информацию о погибшем, которого они не включили в список. Чтобы определить, куда отправить душу, мне необходимо личное дело. В итоге после часа невнятных объяснений мне заявили, что книга судьбы погибшего пропала. Они её потеряли! Теперь у меня на руках неопознанная душа, с которой я не представляю, что делать. И всё потому, что они умудрились потерять дневник! Как такое возможно?

– Считаешь, Совет солгал?

– Уверена. Надо выяснить, что они так скрывают? Почему не хотят показывать дневник? Что особенного в этой душе?

– Если жнецы не захотят, ты ничего не узнаешь.

Махаллат не ответила, опустила веки, и мне почудилось, что она уснула в кресле. Вероятно, так бы и случилось, будь моя сестра человеком. Повисла неуютная тишина. Я стоял у окна, за которым клубился бесконечный туман. Встрепенувшись, Махаллат утомлённо посмотрела в сторону тёмного арочного проёма, не находя сил подняться и отправиться

домой, как ей того хотелось. Неудивительно: долгий, выматывающий полёт до Крепости и обратно, разговор с верховными богами смерти, не самыми приятными собеседниками, а потом гора работы, подкинутой бестолковым братом, – такое могло подкосить даже бессмертную.

С глубоким вздохом Махаллат заставила себя встать. Я снова думал о Еве, когда, проходя под аркой, сестра обернулась и, бросив взгляд на моё осунувшееся лицо, сказала:

– Почему бы тебе не обратиться к пифиям?

Глава 2

Накрапывал дождь. Влажно блестела дорога, зажатая приземистыми домами. Тусклый свет пробивался из затянутых бычьим пузырьём окон первых этажей. Балконы вторых – почти смыкались над головой, образуя узкий просвет, сквозь который и проникала морось. Оседала на стёклах очков, пугалась в волосах, падала на лицо раздражающей паутиной.

Кривая улочка впереди сворачивала во мрак. Молох тенью скользнул в боковой проход, более тесный и тёмный: свет от горящих окон туда не долетал. Под ногами захлюпала грязь. Эта часть дороги вымощена не была. Жильцы ближайших домов сбрасывали сюда мусор, который смешивался с раскисшей землёй, образуя болото из нечистот.

Молох скривился, но двинулся дальше, всматриваясь в темноту. Глаза за стёклами очков зажглись неоновой зеленью. Дорога сузилась ещё больше. Протискиваться между домами приходилось боком. Ментальный след вёл в этот маленький загаженный переулок, и Молох знал, догадывался, что увидит в его конце. К смраду разлагающихся отходов примешивался запах крови.

«Ещё один», – с яростью и тревогой подумал жнец.

В тупике, на куче мусора, лежало выпотрошенное тело. Жирная крыса устроила ни лице покойника пир. На посиневшей щеке подрагивал длинный розовый хвост.

Судя по одежде, убитый был зажиточным торговцем. Его незапланированная смерть вряд ли могла повлиять на ход истории, привести к пространственно-временному коллапсу. И всё же следовало удостовериться. Из внутреннего кармана пиджака Молох достал блокнот. Окинул взглядом чистую белизну листа и аккуратным почерком вывел имя: «Том Стоун». Пустые графы на странице начали заполняться. Так и есть: торговец, владелец мясной лавки. Должен был погибнуть через три года, упав пьяным в канаву и свернув шею.

Молох облегченно вздохнул: три года – небольшой срок, за который не успеет случиться ничего значимого. Однако это была уже девятая преждевременная смерть. Пока им везло. Если в перемкнувших мозгах Росса сохранилась капля благоразумия, он будет выбирать жертвы осознанно, не нарушая цепочку событий, которые важны в глобальном масштабе.

Оставив за спиной боковые проулки с вонючими залежами отбросов, жнец вышел на мостовую, ведущую к ратуше. Длинный шпиль, венчавший одну из башен, рассекал лунный диск пополам. Белёсая мгла прятала звёзды. Молох остановился, чтобы протереть запотевшие на ночной прохладе очки. Погружённый во мрак город спал. Безмолвие нарушили звуки далёкой грозы.

Вдоль пустынной улицы от дома к дому растерянно бродил призрачный силуэт – неприкаянный дух того самого убитого в подворотне хозяина мясной лавки. Путь в иные

миры ему был заказан. Молох не мог проводить несчастного ни в рай, ни в ад: официально, на бумагах, Том Стоун был жив. Придётся ему и другим жертвам спятившего жнеца оставаться в этом подвешенном состоянии до тех пор, пока Совет не найдёт способ исправить свои чудовищные ошибки. Никто не должен узнать о случившемся.

«Это моя вина», – мысленно сказал себе Молох. И это было так.

У ступеней ратуши след терялся. Плохо. Хуже некуда. Каждая секунда на счету. Если он не успеет... Думать об этом не хотелось – хотелось запереться в своём кабинете, укрыться в полумраке, как в раковине, и представить, что события последних дней – кошмарный сон.

Ворота ратуши оказались заперты, но почему-то Молох был уверен, что должен проникнуть внутрь: когда он смотрел на эти окованные железом двери, в груди зарождалось зудящее чувство тревоги. Не ощущая даже крупницы сторонней магии, жнец непостижимым образом знал: за этими дверями раскручивается воронка портала, ведущего в другое измерение и в другую эпоху. И в этом портале исчезает тот, чьё безумие способно повергнуть мироздание в хаос. Смертельная угроза, которую он, Молох, должен устранить.

Глава 3

Чтобы задать вопрос пифиям, необходимо было пересечь яблоневый сад. К горизонту тянулись ряды деревьев с ярко-красными плодами, которые выглядели как нарисованные. Все идеально круглые. Ни одного помятого или тёмного бочка.

Заходящее солнце лежало на ветвях, словно апельсин. Смотреть на него можно было, не щурясь от слепящего света. Тени удлинялись и стрелками компаса показывали на запад. Листья шелестели на ветру. Я слышал только этот мерный шелест и никаких других звуков.

Яблоки были повсюду. Сочные, тяжёлые, висели на ветвях, лежали в траве по краям тропинок, петляющих между яблонями. Но поднимать упавшие было нельзя. Срывать те, что в изобилие росли на деревьях, – тем более.

Время шло. Солнце так же низко висело над линией горизонта. Стрелки часов словно остановились за миг до заката. Я знал: здесь, в этом месте, медовая заря никогда не перетечёт в сумерки. В ожидании гулял мимо яблонь, сгибавшихся под тяжестью крупных плодов. Некоторые, яркие, спелые, падали в траву с мягким шорохом. В зелени играли золотистые блики. Краем зрения я заметил среди листьев змею.

Жёлтый питон, длиной не меньше десяти метров, извиваясь, скользил по дереву, пока с шипением не свесился с

ветки напротив моего лица. Показался раздвоенный язык. Влажные глазки смотрели, не отпуская. Хвост потянулся и сбил мне в руки красное яблоко. Это было приглашение.

Благодарный, я надкусил фрукт. Капли сока брызнули в рот – и я увидел Её. Одна из яблонь в соседнем ряду заметно отличалась от остальных деревьев. Четыре ствола сплетались в единый огромный. Ветви колыхались, обрамляя зияющую в центре расщелину. Древесная кора казалась занавесом, который приветливо распахнули. Что это, если не вход в сказочную пещеру? Нагнувшись, я скользнул в странное отверстие и оказался посреди туманного поля, усеянного кристаллами. Граница между небом и землёй стёрлась – всё сливалось, серебристо-стальное, призрачное.

Новый мир выглядел необитаемым, но со временем в окружающей серости я начал замечать вкрапления красного, а присмотревшись, различил и далёкие силуэты. То были пифии в платьях из алых нитей. Доедая яблоко, я продвигался во мгле. Отовсюду сквозь туман на меня смотрели сотни моих уменьшенных копий, отражённых в гранях кристаллов.

Смутные силуэты приближались, и вот я уже шёл среди женщин, склонившихся над работой. Они сидели за столами напротив больших зеркал, брали яблоки из стоящих рядом корзин и что-то записывали. У всех были пепельные волосы и высокие включенные причёски, напоминающие коконы шелкопрядов. Одна из пифий подняла на меня молочные, словно затянутые катарактой глаза и, жестом попросив

подождать, вновь отвернулась к зеркалу. Я остановился, наблюдая за тем, как растёт на столе перед ней стопка листов. Перо скользило по бумаге с немыслимой скоростью, фиксируя события отдельно взятой человеческой судьбы от рождения и до смерти. Закончив, женщина вытащила из платья красную нить, вдела в иглу и прошила листы. Затем бросила получившийся дневник к остальным, небрежно сваленным на земле в кучу.

– Итак, что тебе надо, демон? – пифия обратила внимание на меня. – Давай спрашивай. Только быстро. У меня много работы. За сегодня должны переродиться триста шестьдесят пять тысяч душ, и каждый жизненный путь должен быть во всех подробностях занесён в книгу судеб.

Я задумался, не зная, как сформулировать вопрос:

– Когда и при каких обстоятельствах человеческая женщина Ева Варга, присвоенный номер 423С1997г63-Л7830645, заключит со мной контракт?

Женщина за столом насмешливо изогнула бровь:

– Твоя избранница? С таким вопросом тебе следовало обратиться к жнецам: все дневники отправляются в архив Крепости.

– Ты знаешь, что посторонних в архив не пускают, а договориться с богами смерти невозможно. Это конфиденциальная информация. Танатос отправит меня к Молоху, а тот слишком принципиален, чтобы нарушать правила.

– В Совете ещё пять верховных богов...

– И все они не станут тратить своё время на демона. А ещё до Крепости долго лететь.

– Ладно, – сказала пифия. Нагнулась, выудила из корзины, стоящей у её ног, последнее слегка помятое яблоко и, надкусив, отвернулась к зеркалу. – Ева Варга. 1997 год. Шестое земное летоисчисление. Сорок второй зелёный сектор. Присвоенный при рождении номер 423С1997Г63Л7830645.

Зеркальная гладь ожила. Отражавшееся в ней лицо пифии заволкло тенями – хаос фигур, спирали, круги. Я не понимал, как эту тарабарщину можно расшифровать. Даже если бы я съел все яблоки из сада познаний, образы, сотканые из дыма, остались бы для меня загадкой.

Нервничая, я смотрел на хмурое лицо пифии и по выражению пытался понять, что она видит. Многочисленный опыт моих собратьев, всех без исключения прошлых и нынешних поколений, подсказывал, что тревожиться не о чем: никому из партнеров демонов не удалось избежать своей судьбы. И всё же беспомощно ждать было мучительно. Пифия швырнула огрызок в туман и, не отрывая взгляда от зеркала, потянулась за следующим яблоком, но нащупала пустое плетёное дно. Вздохнув, женщина потёрла веки.

– Что ты увидела? – я не мог больше ждать. Мне нужно было услышать ответ немедленно. Сейчас!

Но пифия пожала плечами.

– Сходи в сад, набери мне яблок, – сказала она.

– Но...

– Без них я не могу читать в Зеркале.

Схватив чёртову корзину, я быстро зашагал мимо погружённых в работу пифий и кристаллов, которые напоминали хрустальные лилии. Сад за расщелиной в стволе яблони по-прежнему утопал в сиянии заходящего солнца. Питон, свесившись с ветки, настороженно следил за моими движениями.

– Меня попросила твоя хозяйка, – я раздражённо потряс корзиной перед мордой змея. Тот выпустил язык и, зашипев, снова положил голову на чешуйчатое кольцо, сомкнувшееся вокруг дерева. Стиснув зубы, я принялся торопливо подбирать с земли яблоки.

Возвращаясь с наполненной до краёв корзиной, я понял, что не могу узнать свою пифию среди сотен других, склонившихся над столами. Худые до дистрофии, с серой кожей и белыми глазами без зрачков, они были похожи, словно пчёлы одного улья. Я растерянно озирался по сторонам.

– Ставь сюда, – знакомый голос прозвучал за спиной.

Обернувшись, я опустил корзину у ног пифии, рядом с лежавшими на земле дневниками. Умирая от волнения, я ждал, когда предсказательница вновь обратится к зеркалу и тени на его поверхности оживут, но женщина продолжала смотреть мне в глаза с печальным, пугающим выражением.

– Она не заключит с тобой контракт, – сказала пифия. – Никогда. Ты будешь страдать... вечно.

Меня словно со всей силой ударили под дых.

– Но... это невозможно. Каждый демон получает свою пару. За всю историю Пустоши не было ни одного случая, чтобы...

– Вам не быть вместе. Так сказала Зеркало.

– Ты даже не посмотрела! – Меня накрыло такой волной бешенства, смешанного с отчаянием, что я с трудом подавил желание начать крушить всё подряд.

– Посмотрела, – пифия виновато отвела взгляд. – Спасибо за яблоки.

* * *

Это неправда! Это не может быть правдой, просто потому что не может, – и точка! Я не верил! Мой разум отказывался понимать и принимать нечто настолько чудовищное. Я не помнил, как добрался до Пустоши, а в себя пришёл, обнаружив, что, смеясь и плача, гроплю собственную гостиную.

«Она не заключит с тобой контракт».

Закричав, я схватил кресло и швырнул в окно. Сквозь разбитую створку в комнату начал просачиваться туман. Потянуло холодом и затхлостью, словно из разверзнувшейся могилы. Ворвавшийся за мглой ветер поднял и закрутил в воздухе ворох сметённых со стола документов. Я стоял на коленях посреди безумного хаоса, который устроил, и хохотал как в припадке. Всё моё тело сотрясилось от сухих рыданий, а из горла вырывался дикий, истерический смех.

«Ты будешь страдать... вечно».

Вечно.

Не было оснований не верить Зеркалу судеб. Пифии не ошибаются, а значит...

Запрокинув голову, я взревел. Взревел так, что в окнах взорвались стёкла, а с потолка посыпались пласты штукатурки. Огонь в камине погас, оставив меня в туманном сумраке.

О великодушная Тьма, кому и что я могу продать, чтобы исполнить своё желание?! Почему именно мне суждено стать тем единственным, первым в истории демоном, не имеющим пары?! Моё будущее уничтожили, лишив грядущую вечность всякого смысла. Зачем мне тысячи одиноких лет, наполненных голодом и постоянными сожалениями, жизнь, в которой я буду с завистью смотреть на других, раз за разом спрашивая у глухой, равнодушной Ночи, чем провинился, за что заслужил такие мучения?

Каждый демон рано или поздно обретает избранника, получает избавление от довлеющего веками проклятия. Каждый, но не я. У моего наказания не будет срока. Я не узнаю, каково это – жить без боли, не ощущать внутри колючего холода, вечного напряжения. Сейчас голод напоминает навязчивый зуд на подкорке сознания, но когда-нибудь он превратится в огонь, пожирающий моё тело, пламя, в котором я буду гореть и гореть, пока не сойду с ума.

Неужели нет выхода? самого крошечного, призрачного шанса? Больше не на что надеяться и нечего ждать?

Неожиданно в моём больном, помутившемся разуме возникла идея. Плохая идея, как сказала бы Махаллат, но дру-

гой у меня, к сожалению, не было.

Глава 4

Молох успел прыгнуть в закрывающуюся воронку портала за мгновение до того, как та схлопнулась. Видимо, поэтому обычно безболезненный скачок во времени напоминал путешествие между Сциллой и Харибдой. Внутренности скрутило. В голове нарастал нестерпимый гул, переходящий в ультразвук и застывающий на одной высокой ноте за пределами слышимости. Перемещение в другую эпоху заняло секунду, но секунда эта тянулась для Молоха, как столетие. Рёбра затрещали, голова словно увеличилась вдвое, готовая лопнуть, как перезревший фрукт. Стремительно сужающийся портал выплюнул мужчину посреди безлюдной пустыни.

Воронка раскрылась высоко в воздухе. Молох пролетел несколько метров и плашмя шлёпнулся на песок, вкус которого ощутил на языке. Кашляя и отплёвываясь, мужчина поднялся на ноги. Это было одно из самых неприятных приземлений за всю его жизнь.

Вряд ли Росс не смог рассчитать координаты перемещения – знал, что его преследуют, и открыл портал высоко над землёй, желая, как в старые добрые времена, позлить Молоха. Неужели этот синеволосый псих с ним играет?

Мужчина отряхнул брюки от песка, поправил очки и, нахмурившись, оглядел ослепительно-белые дюны, тянувшиеся до горизонта. Солнце безжалостно пекло голову. Чёрный

деловой костюм, белая рубашка, застёгнутая на все пуговицы, галстук и туфли – для местного климата на Молохе было слишком много одежды.

Жнец выбрал юго-западное направление: в ту сторону уводил магический след. Синеволосый безумец прыгнул в портал на пять минут раньше и успел скрыться – телепортировался несколько раз в этом времени. Молох не мог переместиться следом. Он чувствовал себя так, словно на предельной скорости пронёсся сквозь вращающиеся жернова. Слабым и беспомощным. Дезориентированным. Для того чтобы воспользоваться обычной магией богов смерти, надо было сосредоточиться, но перед глазами пульсировали круги, а голова казалась пустой и тяжёлой.

Воздух от жары дрожал. Горизонт расплывался. Высокие барханы теряли очертания в знойном мареве. Ноги проваливались в песок. Солнце било в глаза. Жнец шёл, прикрывая лицо от редких порывов ветра, оставляющих во рту привкус пыли. Дважды на пути Молоха встречались торговые караваны. Люди, сидящие на верблюдах, смотрели на мужчину в странной чёрной одежде с ужасом, принимая за джинна пустыни. Некоторые хватались за амулеты и шептали отгоняющие демонов заклинания.

«Это Сет! Сет, проклятье на наши головы! – в страхе восклицали торговцы. – Помоги нам Осирис!»

Силы вернулись к Молоху у границы старого кладбища, засыпанного песчаной бурей. Там же обрывались слабые ма-

гические вибрации, которые вели его на протяжении всего пути. Либо безумец умело замёл следы, либо спрятался среди этих полуразрушенных надгробий. Голова больше не болела. Теперь Молох мог телепортироваться, но не знал куда: ориентир исчез.

Мужчина огляделся по сторонам. Его окружали ровные ряды мастаба, протянувшиеся далеко вперёд. Что если Росс скрывается где-то здесь? Тишина оглушала. Налетевший ветер поднял в воздух облако пыли. Песок скрипел на зубах, раздражал глаза, забивался под ногти, в одежду, в каждую щель и трещинку. В клубах этой пыльной взвеси Молох заметил человеческий силуэт. Женщина, с ног до головы закутанная в бурнус, стояла, прислонившись к каменной стене мастаба, и не сводила с мужчины внимательных глаз. Секунда – и она исчезла вместе с утихшим ветром, но Молох не мог отделаться от тревожного ощущения, будто видел прежде эти неправильные черты. Неприятное чувство, словно смотришь на мутную фотографию и знаешь: человек на ней тебе знаком, но изображение слишком нечёткое, чтобы вспомнить.

Молох потрянул головой, пытаясь избавиться от странного наваждения. Просто женщина, которая пришла навестить своего покойного родственника. Просто женщина. Обычная человеческая женщина.

«Смерть Великая, я её видел! Но где?»

– Ох братец, ты такой надоедливый! – Знакомый голос,

раздавшийся за спиной, застигнул жнеца врасплох.

Последнее, что успел заметить Молох, прежде чем окружающий мир померк, – мазнувшие по его лицу ядовито-синие дреды.

Глава 5

Судя по тому, как густо сеть голубых жилок покрывала лицо ведьмы, лет ей было не меньше тысячи, и этот преклонный возраст бросался в глаза: в местной иерархии женщина занимала не самую высокую ступень, и её способности оставляли желать лучшего. Возможно, мне следовало обратиться за советом к колдуньям из круга старейшин, но, подумав, за такую дерзость они бы дружно плюнули мне в лицо. Ни одна талантливая ведьма не согласится торговать магией, сочтя это унижительным. Всё, что ей требуется, она получает от заботливых хранительниц Грозовой башни.

Какое бы низкое социальное положение ни занимала колдунья, к которой я обратился за помощью, она, как и прочие, чувствовала себя оскорблённой необходимостью оказывать кому-то услуги, а потому нашла способ выразить мне презрение, назначив встречу не где-нибудь, а на берегу Смрадного болота. Таким образом она словно говорила: «Я тебя не уважаю», – как раз в духе своей высокомерной расы.

Узнав о моей проблеме, ведьма расхохоталась. На её лице не было морщин, но кожа напоминала карту извилистых рек. Голубые вены дробили внешность, подобно царапинам на старинном портрете.

Ведьма веселилась, сидя на берегу бурлящего, пахнущего серой болота. То в одном, то в другом его месте на поверх-

ность поднимались пузырьки газа и лопались, источая зловоние. Чёрный ноготь рисовал круги на воде, в которой водились столь жуткие твари, что я, демон, не рискнул бы опустить туда руку. Густую тину вдоль берега разрезал чешуйчатый хвост.

– Что можно сделать? – спросил я.

Колдунья захохотала злораднее, и мне захотелось сжать её горло, обрывая омерзительный, разносящийся по болотам смех. Я жалел, что пришёл сюда, но мне необходим был совет. Я устал биться головой о стену в поисках решения, которого, возможно, не существовало. Думать об этом было невыносимо. Стоило вспомнить предсказание пифии, и меня захлёстывала волна сильнейшей, ослепляющей ярости.

А ведьмы... Ведьмы лучше других разбирались в человеческих душах и умели просчитывать события наперёд.

– Не понимаю, почему нельзя поступить так, как веками поступали все демоны до тебя? – отсмеявшись, заключила мерзавка.

– Зеркало судеб...

– Да-да, – перебила ведьма. – Значит, надо создать условия чудовищные настолько, что контракт станет для твоей пары единственным выходом. Смотри.

Я склонился над болотной мутью и замер в ожидании то ли чуда, то ли неминуемой катастрофы, когда подтвердятся худшие из моих опасений. Палец, выведивший круги на воде, застыл, но рябь от него продолжала бежать по грязной

поверхности. Быстрее и быстрее. То, что я увидел позже, заставило меня отшатнуться в ужасе.

– Это... отвратительно, – прошептал я, пытаюсь побороть тошноту. – Просто безумие. Она меня возненавидит.

– Если узнает, но можно поступить хитро, – ведьма опять улыбалась. На мой взгляд, она улыбалась слишком часто. Её мимика раздражала, но, во всяком случае, не так сильно, как недавний, похожий на кашель смех. Если бы она начала хотать и сейчас, после того как показала эту зверскую сцену, клянусь, я убил бы её, не задумываясь.

– К чему такая жестокость? Мне кажется, это слишком. Неужели нельзя обойтись без, – я брезгливо взмахнул рукой, не в силах подобрать достаточно крепкое слово, чтобы выразить отношение к увиденному, – без всего этого?

– Вспомни, что сказала Зеркало. Ничто другое не будет достаточным. Если хочешь обмануть судьбу, действовать надо наверняка.

– Но...

Я не знал, что возразить, поэтому растерянно замолчал, сражаясь с головной болью. Сначала оглушающий приговор пифии, теперь это... Никогда я не был в таком смятении. Немыслимая дикость, на которую меня толкала ведьма, вызывала внутренний протест, но отчаяние вынуждало хвататься за любую возможность, лишь бы избежать самой страшной для демона трагедии. Причинять боль любимым невыносимо, но и жить без них ужасно. Хаос сокруши, я чув-

ствовал, что ещё чуть-чуть – и сойду с ума. Я просто не мог больше об этом думать, бесконечно прокручивать в мыслях вероятные последствия то одного, то другого своего решения.

– Если она узнает, что я в этом замешан, то никогда меня не простит.

– Сделай так, чтобы этого не случилось.

От вереницы образов, отражённых в болотной жиже, от тяжёлых испарений и булькающих на поверхности пузырьков газа меня замутило. Над водой стелился ядовитый туман. Сквозь него на противоположном берегу темнели хилые деревца, такие же сухие и скрюченные, как рука ведьмы, требующей плату за совет. Услуга за услугу.

Я опустился на колени и покорно подставил шею, сначала ощутив влажное прикосновение губ, а затем и боль от вонзающихся зубов. Если самое ценное в человеке – душа, то в демоне – кровь.

Глава 6

В себя Молох приходил медленно. Судя по положению солнца, он не менее трех часов провёл без сознания. Песок облепил его, словно бинты – мумию. Смешался со слюной и вязкой массой размазался по лицу. Кожа головы зудела. Волосы стояли торчком, а в приоткрытый рот, по ощущениям, набилась половина пустыни.

То, что спятивший жнец оставил Молоха в живых, удивляло, вызывало странное умиление. Сложно было ожидать от Росса большего проявления братской привязанности, и мужчина ощутил себя почти тронутым. Пошатываясь от тупой боли в затылке, Молох встал. Небо над пустыней стремительно темнело. Сколько драгоценного времени он потерял из-за своей рассеянности, заставившей его пропустить удар?! Пока разум Молоха отдыхал, маньяк отправился дальше, оставляя за собой след из трупов. Где жнец сейчас? В какой стране и в каком столетие? Сколько новых неприкаянных душ успело появиться за эти долгие три часа?

Молох выудил из песка очки и с удивлением обнаружил, что его рубашка расстёгнута. Половина пуговиц отсутствовала, словно кто-то с силой рванул на нём ткань. Кожу на груди неприятно стягивало. Мужчина наклонил голову, дрожащими пальцами ощупывая свежие раны. Перед уходом безумный братец оставил на его теле послание. Зубы заскрежетали

от злости. Руки стиснулись в кулаки. Кровавыми штрихами порезов на груди Молоха было выведено корявое, но хорошо читаемое слово: «Зануда».

Глава 7

Четыре часа Ева вбивала координаты и соединяла точки, строя в программе каркас многоквартирного дома. И теперь, проведя последнюю линию, нажав кнопку расчёта и просматривая результаты, с досадой поняла, что полвечера потратила впустую. В вычислениях закралась ошибка, но будь Ева проклята, если найдёт, какую из трёхсот пятидесяти пяти координат внесла неверно. Легче открыть новый файл и всё перечертить. Ещё четыре убитых часа.

Выругавшись, Ева рассерженно шлёпнула компьютерной мышкой по коврику и откинулась на спинку стула.

«Я просто феерическая идиотка. Надо было считать вручную».

Так или иначе она уже договорилась со своим дипломным руководителем и менять что-либо было поздно.

Идиотка или нет, но, по крайней мере, Ева догадалась выбрать для дипломного проекта одну из самых распространённых тем, найти из базы старых работ похожие варианты и частично скопировать чужие чертежи, адаптировав под свои расчёты. Четырнадцать форматов размером с ученический стол. Она же не дура, чтобы делать диплом с нуля.

Свернув вкладки с учёбой, Ева продолжила рисовать то, что пришло ей в голову на прошлой неделе: человек в чёрном бесформенном плаще стоял на краю обрыва на фоне по-

жара. Осталось поиграть с контрастом и тоном. За кричащей в наушниках музыкой девушка не услышала, как открылась дверь в комнату, и испуганно дёрнулась, когда на плечо опустилась ладонь. За спиной раздался восхищённый голос матери:

– Какая красота! У тебя талант. – Марта всплеснула руками, словно актриса низкобюджетной драмы. – Один из героев твоих любимых комиксов?

Не отворачиваясь от монитора, Ева закатила глаза: даже после настойчивых и, стоит признать, изрядно опоздавших попыток построить доверительные отношения они с матерью продолжали разговаривать, словно марсианин с японцем.

– Я не читаю комиксы.

– Да? – Марта казалась озадаченной. Внушительный локонный начёс на её голове как будто поник. – Я думала: все в твоём возрасте этим занимаются. Ладно, не важно. Как учёба?

– Нормально.

– Всё получается?

– Ага.

Ева не хотела показаться грубой или обиженной, лелеющей старые детские травмы. Она не держала на мать зла за постоянные командировки и расстановку приоритетов: семья у той шла после карьеры, йоги, духовных практик и фанатичных попыток продлить ускользающую молодость. Ева всё понимала. Догадывалась, что Марта не горела желанием

заводить детей, но дважды уступила настойчивым требованиям родственников и любимого мужа. Или не любимого, а привычного и удобного. В любом случае Ева не собиралась никого осуждать, тем более – сводить счёты, но всякий раз, когда мать пыталась наладить порвавшуюся много лет назад связь, впадала в ступор. Было невозможно отделаться от ощущения, будто на улице её окликнул случайный незнакомец и фамильярным тоном устроил допрос. Они с матерью давно стали чужими, и с этим следовало смириться.

Потоптавшись за её спиной, Марта развернулась и с видом человека, провалившего важную миссию, вышла в коридор.

– Иди есть, – раздалось из-за двери.

* * *

Трудно сказать, что Ева ненавидела больше ежевечерней традиции вместе собираться за ужином. Отец разделялся со своей порцией за десять минут, а потом долго пил кофе, уткнувшись в смартфон. Все обращённые к нему вопросы он игнорировал, а если и отвечал, то грубо и односложно. Таким образом, внимание матери, считавшей беседу за стол обязательным атрибутом идеальной семьи, переключалось на старшую дочь. Пока отец просматривал новости, а пятилетняя сестра увлечённо размазывала по столу блины, Еве приходилось отдуваться за всех. Но это была половина беды, потому что за расспросами, как правило, следовала череда унылых нравоучений, а иногда и унижительных замечаний. И хотя мать всегда отличалась удивительным отсут-

ствием такта, сегодня она превзошла саму себя.

Стоило Еве сесть за стол и потянуться к тарелке с блинами, как эту самую тарелку от неё аккуратно, но настойчиво отодвинули.

– В чём дело? – сказала девушка ошарашенно. – Если ты хочешь узнать, мыла ли я руки перед едой, то, полагаю, в мои двадцать два как-то поздновато для таких вопросов.

– Уже восемь вечера, – загадочно произнесла Марта.

– Да, я в курсе.

– Блины тяжёлая и калорийная пища, – продолжила она многозначительно.

– То, что нужно перед бессонной ночью, чтобы закончить расчёт. – Ева снова потянулась к тарелке и получила болезненный шлепок по руке. На глазах растерянной девушки блины были накрыты миской и убраны в холодильник.

– Какого чёрта? – Ева перестала что-либо понимать. Требуя поддержки, она взглянула на отца, но тот с невозмутимым видом гипнотизировал телефон: то ли не заметил разыгравшейся сцены, то ли решил не обращать на неё внимания.

Пятилетняя Кира вылила в кашу из блинов сок и, схватив плюшевого зайца, с громким воплем сбежала в детскую. Марта заламывала руки, видимо, мучительно пытаясь придумать, как смягчить чудовищную бестактность, которую собиралась сказать.

– Мне кажется: тебе надо похудеть, – выдала она. – Думаю,

поэтому ты не можешь найти себе мальчика.

Будь происходящее сюжетом диснеевского мультфильма, в этот момент челюсть главного героя от изумления отвисла бы до самого пола.

– Они случайно утопили экскаватор за 450 тысяч долларов в болоте! – не отрываясь от экрана смартфона, внезапно изрёк отец. – Вы можете себе это представить? Бардак!

За стеной в детской раздался грохот выбрасываемых из комода вещей.

– Я ношу 46 размер, – прошептала Ева, не зная то ли расхохотаться, то ли последовать примеру сестры и, негодуя, начать швыряться посудой.

– И это много для твоего роста, – Марта нетерпеливо вздохнула.

Грохот за стеной нарастал. В ход пошла тяжёлая артиллерия: одна из музыкальных игрушек врезалась в пол, словно рухнувший с небес «Боинг», и теперь потрясённое молчание за столом заполнял визг сирены.

– Кира, выключи свою тарахтелку! – заорал отец. – Кто-нибудь пойдите и заставьте эту адову ревущую машину заткнуться!

Марта успокаивающе погладила мужа по плечу и снова перевела взгляд на дочь:

– И волосы...

– Что – волосы? – Еву начал разбирать истерический смех.

Кира всё-таки выключила «адову ревущую машину», и

на один благословенный миг стало тихо, но продлилось это недолго. Кира принялась носиться из комнаты в комнату, сжимая в руках игрушечного хомяка, механическим эхом повторявшего всё, что ему говорили. В данный момент он вторил самозабвенному оглушительному воплю своей хозяйки, которая, судя по всему, получала от этого хорового крика ни с чем не сравнимое удовольствие.

Марта поморщилась.

– Твои волосы тусклые и секутся, – сказала она так, словно это было величайшее преступление. – И цвет... Сейчас, конечно, говорят, будто русый в моде: натуральность, естественность, всё такое, – но кому вообще идёт эта мышьяная серость?

– Мне, например?

– С твоим цветотипом? Не смейся. Послушай, – мать окинула Еву снисходительным взглядом, – я тоже когда-то была бледной молью. Ты не представляешь, какие чудеса способны сотворить с внешностью тушь и румяна. Давай, я покажу, как пользоваться косметикой?

– Нет, спасибо.

– Хотя бы помадой?

Отчаянная надежда в глазах матери заставила взглянуть на её настойчивость под другим углом, понять: Марта просто пытается наладить отношения, пусть и в свойственной ей бесцеремонной манере. Вероятно, считает: ничто так не сближает мать с дочерью, как совместное увлечение всякими

девчачьими штучками. Неужели Марта полагает, будто, поделившись бесценным опытом, превратит их с Евой в подружек, которые примутся шушукаться и секретничать? На какой-то миг Еве стало её жалко, но не настолько, чтобы подыграть. Сухо улыбнувшись, она покачала головой:

– Нет.

– Но похудеть тебе надо. И, прошу, смени свои ужасные кеды на нормальную обувь. В том магазинчике за углом я видела просто шикарные туфли на каблуках. По бешеной скидке!

Марта поправила домашнее платье, привлекая внимание к собственной идеальной фигуре, которую трепетно поддерживала диетой и йогой. С каменным выражением она поставила перед дочерью миску салата. Ева поднялась из-за стола, открыла холодильник и, чмокнув мать в щёку, унесла в комнату тарелку блинов.

* * *

Ева мучительно уговаривала себя вернуться к учёбе, когда дверь снова открылась, и на пороге возникло пятилетнее чудовище с хомяком и книжкой в руках.

– Сказку пелед сном, – потребовало оно, потрясая перед лицом сестры потрёпанной обложкой. Всё, что сказала девочка, хомяк повторил слово в слово, дребезжа и кивая плюшевой головой. – Почитай! Почитай!

– Одну, и ты от меня отстанешь.

Отмахнувшись от острого картонного края, нацеленного

ей в глаз, Ева усадила сестру на диван. Обняла за плечи, устроив раскрытую книгу у себя на коленях. Сколько бы она не ворчала, общение с Кирой доставляло ей удовольствие. Она всегда чувствовала себя ближе к сестре, нежели к родителям. Так привязываются к кому-то столь же одинокому и заброшенному, но более беззащитному. Обе дочери до поры до времени ощущали себя ненужными, нелюбимыми. Возможно, поэтому Ева долгие годы стеснялась выражать свои чувства, не умела быть нежной. Благодарный поцелуй в щёку, ободряющее прикосновение казались чем-то запретным, противоестественным. Ласковая от природы Кира растопила этот лёд, приучила сестру к объятиям. Непосредственная, как все дети, она тянулась к Еве так трогательно, доверчиво, что нельзя было не проникнуться ответной любовью.

«Наверное, мне будет этого не хватать, когда она вырастет», – подумала девушка и поцеловала тёплую, прильнувшую к ней малышку в лоб.

В центре раскрытой книги сидел хомяк, слава телепузикам, выключенный. Кира притихла и слушала сказку, затаив дыхание. Собственный размеренный тон, незатейливые рифмы, сотни раз повторённые, выученные наизусть, усыпляли. Ева поймала себя на мысли, что, читая сестре, испытывает умиротворение, необычайное спокойствие, словно погружается в медитацию.

– Я люблю тебя, – прошептала она светловолосой макушке.

– А я – вас. – Марта вошла так тихо, что никто не заметил её приближения. Глядя с неопишуемой нежностью, она опустилась на диван рядом с Евой и обняла обеих дочерей. Этим вечером в её улыбке, движениях не было привычной нервозности – только искренность и тепло, и впервые за много лет Ева не захотела отшатнуться от матери, как чужая. Накрыла лежащую на коленях руку своей, склонила голову на родное плечо и разрешила себе поверить в то, что всё может наладиться.

* * *

Ева проснулась посреди ночи от громких криков. Из коридора в комнату падал свет. Рядом на диване сидела взъерошенная Кира и смотрела на горящий прямоугольник стекла в двери глазами, полными ужаса. Малышка натянула одеяло на голову, словно прячась от невидимых монстров, дрожала и тихо хныкала. Одной рукой она прижимала к себе любимого хомяка, другой – до боли стискивала плечо Евы. Перепуганная до смерти девушка искренне поблагодарила бога за то, что какое-то время назад сестра проснулась от кошмара и прибежала к ней, а не осталась в детской, откуда сейчас доносился пугающий грохот. Кто-то со злостью топтал игрушки и опрокидывал мебель.

– Ты нам должен, – незнакомых голосов было несколько, сирых и низких, как у заядлых курильщиков.

– Ты опять играл? – мать плакала. – Ты же обещал больше никогда...

– Я не понимаю. Я ведь не...

– Заткнись! – Раздались глухой удар и стон, утонувший в женских рыданиях.

Кира спрятала лицо в ладонях и, дрожа, прижалась к сестре. От ворвавшихся в дом чужаков их отделяли маленький коридор и закрытая дверь спальни. Ругань бандитов и судорожные всхлипы матери заглушил новый шум: судя по звукам, незнакомцы вырывали из комода шифлядки, вытряхивали содержимое на ковёр, после чего швыряли пустые ящики в груды выброшенных вещей.

– Где деньги?

Под чужими подошвами хрустел, ломаясь, детский конструктор, разбросанный Киной по всему полу. Кто-то из грабителей наступил на одного из её пупсов, и к безумной какофонии добавился тонкий кукольный голосок, повторяющий: «Мама, мама».

– Быстро, – прошипела Ева, выпутывая Киру из одеяла. Руки тряслись. Девушка торопливо подняла диванное сидение, чтобы спрятать малышку в бельевой нише. Ей казалось, что они непозволительно медлят, слишком шумят, что каждый шорох способен привлечь внимание бандитов.

– Лежи тихо.

Девочка свернулась в комочек на дне квадратного углубления. Захлёбываясь слезами, она кивнула, к счастью, от шока не в силах издать ни звука. Ева опустила сидение так, чтобы между ним и диванной спинкой остался зазор для возду-

ха, расправила простынь и кинула сверху смятое одеяло. В тот момент, когда она разогнулась и решила подумать о себе, раздался леденящий душу звук выстрела. А затем ещё один, эхом пронёсшийся по квартире. Ева подскочила на месте, зажав ладонью рот:

«О боже-боже-боже! Нет-нет-нет-нет-нет!»

Давясь рыданиями, она мучительно вслушивалась в наступившую тишину. Молилась, чтобы раздался голос матери или отца, женский плач, болезненный стон – хоть что-нибудь, подтверждавшее бы: родители живы. Но вместо этого её настиг грохот приближающихся шагов. Один из убийц шёл по коридору.

Ева инстинктивно бросила взгляд на диван, в котором затаилась сестра. Лихорадочно оглядела комнату, ища, где спрятаться ей самой. Подбежала к окну, распахнула шторы – слишком высоко. Шаги замерли. Громкая тень заслонила свет, падающий из прихожей. В стекле отразился тёмный человеческий силуэт: за дверью стояли. Дверная ручка скрипнула и начала поворачиваться.

Ева попятилась и схватила первый попавшийся предмет – стеклянную вазу. Как только дверь распахнулась, девушка метнула своё импровизированное оружие в вошедшего, и то со звоном разбилось о косяк над головой убийцы. Мужчина выругался. Ева принялась панически швырять в него всё, до чего могла дотянуться: диски, книги, сувениры, настольную лампу. Когда снаряды закончились, она сжала в руке канце-

лярский нож.

– Бешеная, – восхищённо присвистнули за спиной стоящего на пороге бандита. – Мне такие нравятся. Возьмём её с собой?

– Заткнись.

Коренастая фигура перекрыла дверной проём. Волосатая рука потянулась к выключателю на стене – в глаза ударил ослепляющий после темноты свет. Ева поморщилась, заслоняя лицо ладонью. В комнату вошли двое. У того, кто переступил порог первым, по щеке текла кровь. Широкий и мощный, он надвигался на девушку, играя желваками квадратной челюсти. Второй незнакомец, вошедший следом, глумливо скалился.

– Убирайтесь! – закричала Ева, размахивая перед собой ножом для резки бумаги. Ладони вспотели. Пластмассовая ручка выскользнула из влажных пальцев. Девушка решила, что, когда разбойник приблизится, надо целиться в шею, в артерию, и спросила себя, сможет ли хладнокровно убить человека. А затем подумала о спрятавшейся в диване сестре: «Молчи, Кира, молчи. Умоляю».

Как долго пятилетний ребёнок может лежать тихо, не шевелясь? Кира напугана. Что если она заплачет или начнёт звать сестру, родителей? Еву прошил ледяной озноб.

Будто прочитав её мысли, один из бандитов – тот, что всё время насмешливо ухмылялся, – огляделся по сторонам:

– Девчонка здесь одна? Ты все комнаты осмотрел? Должен

быть ещё ребёнок: в доме полно игрушек.

Внутри у Евы похолодело.

«Молчи, только молчи», – повторила она свою мантру. И тут в звенящей тишине со стороны дивана раздалось знакомое дребезжание. Хомяк.

Пытаясь переключить внимание убийц на себя, Ева бросилась вперёд, размахивая лезвием. Она не успела сообразить, что делает: тело среагировало раньше. Сработал древний как мир материнский инстинкт – защитить, спасти, заклонить собой. Кира, маленькая ласковая Кира лежала, свернувшись клубочком, под диванным сидением, плакала и тряслась от страха. Она обнимала Еву крохотными ручками, притягивала за шею к себе и шептала, что сестра самая лучшая, что любит её больше, чем маму и папу. Милое, трогательное, беззаветно преданное ей создание. Ева не могла допустить, чтобы сестре причинили боль. В голове эхом пронеслось воспоминание о двух грянувших друг за другом выстрелах. Что если?.. О боже, боже, нет-нет-нет....

С воплем отчаяния Ева вскинула нож. Быкоподобный вытащил из-за пояса пистолет и нацелил девушке в грудь.

– Брось, – сказал он, злобно прищурившись.

Ева разжала пальцы и разрыдалась. На неё обрушился мощный, сбивающий с ног удар. Она не поняла, куда он пришёлся, – болело всё: голова, челюсть, горела и пульсировала щека. Рот наполнился кровью. Любитель зубоскалить обошёл оглушённую, лежащую на полу жертву и, сжимая писто-

лет, уверенно направился к дивану. Ева дёрнулась, но была придавлена тяжёлым армейским ботинком к ковру.

– Пожалуйста, не надо, не трогайте её, – умоляла она.

Убийца наклонился, сдёрнул постельное бельё и поднял диванную спинку. Раздался испуганный детский крик.

– Пожалуйста, пожалуйста, – шептала Ева, заливаясь слезами.

Незнакомец вскинул руку с пистолетом. Прогремел выстрел – и крик оборвался.

Всё кончено. Мама, папа, Кира – мертвы. Убиты. У неё больше нет семьи. Никого нет. Она не разрыдалась, не заголосила в отчаянии – обмякла на полу, безучастная, словно мёртвая, и невидящими глазами уставилась в потолок.

Её скрутили и грубо поволокли. Она не сопротивлялась. Ничто не имело значения. Тело казалось чужим. Ноги, будто лишённые костей, тянулись по полу бесполезными верёвками. Диванная спинка так и осталась откинутой. Её сестра была там. Её сестра...

Перед лицом промелькнули книжные полки в прихожей, открытая дверь в детскую... Безвольная рука, лежащая в луже крови. Ева закричала. И продолжала кричать, даже когда мужская мозолистая ладонь зажала ей рот. Кричала, выла, пока её тащили вниз по бесконечному лестничному пролёту и когда с силой заталкивали в незнакомую машину с тонированными стёклами. И спустя километры серой равнодушной трассы, прямой, как дорога в ад, всё ещё тряслась в безумной

неудержимой истерике. А потом, окаменев, затихла.

Глава 8

Как странно, что она не сошла с ума. Первые часы Еве казалось, что рассудок её покинул. Истерика сменилась оцепенением. За окном проносился асфальт. Целую вечность Ева смотрела на узкую белую полосу вдоль обочины, а затем машина замедлила ход, свернула в лес, на просёлочную дорогу, плотно зажатую между деревьями и кустарниками. Под колёсами заскрипел гравий. По крыше и стёклам заколотили ветки. Мелкие камни сменились двумя разбитыми колёями среди островков травы, те – месивом грязи. Долгие десять минут автомобиль буксовал. Двинулся дальше, трясясь на ухабах. Еву подбрасывало на сидении. Голова казалась и звеняще пустой, и заполненной мягкой ватой, сквозь которую не могла пробиться ни одна мысль.

Лес остался позади. Двигатель больше не надрывался, вытаскивая стальную махину из ям. Машина выехала на поле. Пересекла его под начинающимся и всё усиливающимся дождём и наконец, века спустя, затормозила. Ева сидела, бездумно глядя на свои руки, пока дверца не распахнулась и девушку не вытащили наружу под ливень. Толкнули в спину. Опять куда-то поволокли. Неважно. В мире больше ничего не имело смысла. С волос капала вода, текла по лицу. Ноги подкашивались. Хотелось упасть в грязь и лежать, погружаясь глубже. Хотелось умереть или сойти с ума. Впереди воз-

вышался тёмный, наполовину заколоченный дом, похожий на дачный. Ева мазнула по нему равнодушным взглядом и оставилась на свои ступни, облепленные землёй. Она была босой и в пижаме. В синей пижаме с розовыми цветочками.

Перед лицом открылась дверь, прочная, стальная, неуместная в этой мрачной развалюхе, сложенной из гнилых брёвен. Еве казалось, что она смотрит фильм, спит и видит кошмар: это кто-то другой, спотыкаясь, идёт по длинному коридору с зелёными обоями, что лохмотьями свисают со стен, кто-то другой спускается по шаткой лестнице в затхлый погреб, и над головой кого-то другого со скрипом захлопывается тяжёлый люк.

А потом были долгие часы в темноте, когда она сидела на холодном полу и раскачивалась из стороны в сторону, незряче уставившись в одну точку; чернильная вечность, наполненная криками и отчаянием, неверием и бессильной злостью. Ненавистью.

Да, ненависти было больше всего. Она казалась материальной: у неё был металлический вкус крови из разбитой губы и едкий запах пороха, а ещё звук, самый страшный на свете, – звук оборванного выстрелом детского крика.

* * *

– Ты её бил? – Крышка погреба была откинута, и в сырую камеру падал свет. Ева лежала ничком в его бледно-жёлтом прямоугольнике, прижимаясь щекой к бетонному полу. Наверху у края люка стояли двое. До пленницы доносились го-

лоса:

– Приказали ждать неделю!

– Я её и пальцем не тронул!

– Тогда почему у девчонки весь лоб в крови?

– Эта чокнутая билась головой об стену, пока я не остановил. Совсем спятила.

Ева засмеялась и принялась ногтями царапать собственное лицо.

* * *

Спустя несколько дней Ева заметила в углу тюфяк, сбившийся комками и весь прожжённый сигаретными окурками, – тонкий слой поролона, такой же холодный и жёсткий, как и голый бетонный пол, на который его бросили. Матрас был придвинут к стене с чёрными разводами плесени, перекинувшейся на ткань по его краям. Выглядел и пах так, словно его вытащили из горящего наркопритона.

Круглыми сутками Ева сидела на этой вонючей подстилке, поджав под себя босые, онемевшие от холода ступни, и смотрела на закрытый люк в потолке. Сквозь щели в досках сочился мутный, желтоватый, как моча, свет, и только благодаря ему девушка различала хоть что-то в окружающем мраке. Горе от потери семьи отступило на второй план: голову поднял инстинкт самосохранения. Она была в плену у убийц, безжалостно застреливших пятилетнюю девочку. Пока Еву не трогали, но зачем-то же она им понадобилась. Что с ней планируют сделать? Убить как ненужную свидетельни-

цу? Логичнее было избавиться от помехи в квартире. Потребовать выкуп? Но у кого? Надругаться, а застрелить после? Ни один из вариантов не объяснял, почему бандиты медлят?

Когда Еву привезли в этот ветхий дом на отшибе цивилизации, собственная участь её не тревожила, но сейчас неизвестность пугала до тошноты. Каждый раз, когда над головой раздавались шаги, девушка вздрагивала. Дважды в день крышка погреба поднималась, и, заслоня свет, в квадратном проёме вырастала тёмная мужская фигура. Хлипкая деревянная лестница шаталась и скрипела под чужими ботинками. Мозг настойчиво подкидывал идеи побега. Воображение рисовало красочный фильм: Ева вскакивает с тюфяка, бросается на спускающегося бандита; его нога соскальзывает с перекладины, убийца растягивается на полу, и пленница обрушивает на него металлическое ведро, которое ей оставили для оправления надобностей; бьёт с остервенением, пока не увидит кровь, и устремляется к спасительному люку над головой.

Ева думала об этом постоянно. Прокручивала в мыслях один и тот же сценарий, но стоило ржавым петлям поднимающейся дверцы заскрипеть, и девушка замирала, парализованная животным ужасом.

На пол рядом с лестницей опускалась миска с жидкой кашей – то ли овсянкой, то ли перловкой – и кружка с водой. Вся посуда пластмассовая, словно игрушечная. В вязкую жижу была воткнута одноразовая ложка. Ева не ела. Думать не

могла о таких вещах.

* * *

Со стороны люка донеслись голоса переругивающихся бандитов:

– Надо, чтобы она ела. Заказчику не понравится, если девочка сдохнет.

Что всё это значит? Кто-то приказал её похитить и держать в подвале? Зачем? Что, чёрт побери, с ней собираются сделать? Кому понадобилась студентка из простой, не самой богатой семьи? Судя по обрывкам разговора, услышанного в ночь похищения, её отец любил азартные игры, возможно, тайно заглядывал в казино и однажды крупно задолжал. Что если ей предстоит отрабатывать отцовские долги? Что если её продадут в рабство?

«Я не буду об этом думать».

И она не думала, а потом в подобных размышлениях пропал смысл.

* * *

Они приходили со сводящей с ума регулярностью, достаточно часто, чтобы, проснувшись в подвальном сумраке, начать с содроганием прислушиваться к тишине. Шаги могли раздаться в любой момент – тяжёлая поступь, сотрясавшая пол, который для неё был потолком камеры. Вскоре Ева научилась угадывать намерения своих надзирателей. Неспешная походка и молчание означали, что можно снова дышать: ей несут еду. А громкий топот и звуки шутиливой перебран-

ки.... Как правило, в погреб спускался кто-то один, а остальные ждали своей очереди, сгрудившись вокруг открытого люка. Но были дни, когда её тело разрывали на части десятки грубых омерзительных рук.

Возможно, мучители приходили в определённое время. Возможно, действовали спонтанно. У Евы не было часов, чтобы выявить закономерность либо её отсутствие. Не было даже крошечного окошка под потолком, чтобы следить за сменой суток. Четыре стены и постоянная темнота создавали ощущение бесконечной ночи, непрекращающегося кошмара. Лежа в порванной пижаме на продавленном тюфяке, она не верила, не могла поверить в то, что не спит, что вот это всё: зловонный матрас под щекой, синяки, кровь между ног, – всё это реально. Бред! Так не бывает! Она не из тех, с кем случается такое! Она не ходит по безлюдным улицам в тёмное время суток, не носит вызывающую одежду, не напивается в хлам в незнакомой компании. Она не из тех девушек, которых насилуют. Но это произошло и произошло с ней, и продолжало повторяться изо дня в день, и Ева не могла себя защитить. Невыносимая беспомощность рождала не страх – ярость. Ярость, которая росла с каждым прикосновением, заставляющим чувствовать себя грязной, слабой, униженной. Эти твари убили её семью, на глазах застрелили маленькую сестрёнку, а саму Еву превратили в вещь, в кусок мяса, которым пользовались. Неужели это сойдёт им с рук? Неужели её мучители останутся безнаказанными? Она хоте-

ла их убить. Искромсать. Впитаться зубами в горло, разрывая артерии. Гнев не находил выхода, и казалось, будто глаза Евы кипят, кости плавятся, кожа трескается и сползает, потому что человеческое тело не способно вместить столько ненависти. Как можно ненавидеть так сильно и не взорваться изнутри? Ей больше не было больно. Не было страшно. Она вся превратилась в кипящую массу ярости, в бесформенное, бестелесное нечто, безудержно жаждущее мести. Распластанная под очередным насильником, Ева разбитыми губами шептала обрывки услышанных когда-то молитв, придумывала собственные, требуя от всевышнего справедливости, заклиная покарать тех, кто убил её семью, но бог не ответил, остался глух. И тогда она позвала дьявола.

Глава 9

«Вы предлагали свою душу».

С тех пор как насильники ушли, до пленницы не донеслось ни звука, если не считать обычных скрипов и шорохов пустого деревянного дома. Избитая, она лежала на вонючем матрасе, грязном от пота, крови и спермы, когда в темноте раздался этот вкрадчивый голос. Ева не испугалась, решив, что от боли и потрясения у неё начались галлюцинации. Если она сошла с ума, это к лучшему: возможно, ей повезёт и связь с реальностью будет потеряна окончательно. Ева смутно помнила, как в агонии бессвязно шептала какой-то теологический бред, мешала молитвы с проклятиями, торговалась то с богом, то с дьяволом, мечтая об одном – отомстить. Но верила ли она, что будет услышана?

Голос прозвучал снова, на этот раз ближе. Бархатный, мягкий, богатый на интонации, он больше не напоминал едва различимый шепоток в голове, игру помутившегося рассудка, пытающегося выдать желаемое за действительное.

«Вы звали – и я пришёл».

Тени сгущались, складываясь в силуэт, отдалённо похожий на человеческий. Очертания становились более явными. Темнота уплотнялась, концентрируясь в одном месте. Наконец у мрака появилось лицо, и лицо это принадлежало мужчине. Для исчадия ада оно казалось странно взволнован-

НЫМ.

При виде багровых кровоподтёков на теле пленницы таинственный незнакомец – бес, дьявол? – гневно сжал кулаки, и Ева поёжилась от неприятного ощущения: её травмы будто подвергались пристальному анализу. Инстинктивно она попыталась прикрыться остатками разорванной в лохмотья пижамы.

– И кто же ты? – равнодушно спросила Ева. Самое страшное с ней случилось – мало, что могло вывести её из апатии.

Дьявольски красивый мужчина, застывший перед ней материальным подтверждением религиозных доктрин, был либо галлюцинацией, либо приспешником Сатаны, но точно не ангелом – не с такими красными глазами и мертвенно-бледной кожей. Необычные черты делали существо похожим на представителя инопланетной расы, близкой к земной, но в то же время неуловимо от неё отличающейся: выраженные скулы, ромбовидные зрачки. Из-под верхней губы выглядывали острые кончики клыков, особенно заметные, когда незнакомец говорил. Одежда на нём была простой и неброской: чёрная однотонная рубашка и брюки.

Ничего из этого Ева не замечала. Значение имело одно: её мольбы услышали. И если на помощь к пленнице поспешил не милосердный господь, а сломавшаяся, не выдержавшая напряжения психика, что ж, так тому и быть.

– Я реален, – сказал мужчина, уловив на лице собеседницы тень сомнения.

– Так утверждала бы любая галлюцинация, – ответила Ева.

Незнакомец с красными глазами усмехнулся:

– Меня зовут Велар.

– Вела-ар, – Еву накрыло истерическое веселье. Последние отголоски страха исчезли: она решила, что сошла с ума. Так чего же бояться? Собственного больного воображения? – Ты не дьявол?

– Не хотелось бы вас разочаровывать. Я рядовой служитель тьмы. Но готов исполнить ваши мстительные желания, если вы согласны заплатить за мои услуги.

– Чем? Душой? – Ева скептически фыркнула. Эта её красноглазая фантазия оказалась занимательной. Странные вещи вытворяет психика: всю жизнь считать себя атеисткой, чтобы в один прекрасный день впасть в религиозный маразм. – Можешь забирать, – пленница небрежно махнула рукой. – Я всё равно не верю во все эти штучки.

Демон выглядел не на шутку обескураженным.

– Не верите в существование души? – спросил он, нахмурившись. – Но разве моё присутствие не доказывает её реальность? Стал бы я заключать сделку, если бы не был уверен в собственной выгоде?

Ева пожала плечами:

– Так сразу не откажешься от своих убеждений.

– В таком случае, если эта вещь не имеет для вас исключительной ценности и вы не боитесь ею пожертвовать, предлага-

гаю обсудить условия сделки. – Демон улыбнулся и опустил взгляд, как обычно делают, когда пытаются скрыть эмоции.

Материализовавшись из воздуха, на матрас упало несколько альбомных листов, скреплённых на современный лад стиплером, но с текстом, написанным чернилами от руки. Хихикнув, Ева склонилась над договором, уверенная: её сумасшествие прогрессирует, стоит прикоснуться к бумагам – и они, и забавный демон растворятся во мраке. Нет, лучше она и дальше будет разговаривать с вымышленным другом, чем бесконечно барахтаться в помоях мучительных и тошнотворных воспоминаний.

– Что здесь написано?

Внутренний текст соглашения был разбит на пункты с пронумерованными абзацами. Когда девушка попыталась ознакомиться с содержанием, то, естественно, не смогла разобрать ни строчки. Неудивительно. Происходящее было плодом её фантазии, богатой, но не настолько, чтобы нарисовать такие детали. Вместо букв воображение подкидывало набор ничего не значащих символов.

– Договор на демоническом.

– Конечно. Как же иначе? – Ева откровенно веселилась. – Я должна подписать, не глядя?

– К сожалению, у меня нет перевода, – демон изобразил виноватое огорчение. – Но я обязательно ознакомлю вас со всеми подробностями. Согласно контракту, я становлюсь вашим покорным союзником ровно на восемь месяцев, после-

дующих с момента подписания договора. Слугой, если это определение нравится вам больше. Я обязуюсь исполнять все приказы, не выходящие за рамки моих возможностей, что фактически означает любые ваши пожелания без ограничений: всё, о чём вы когда-либо мечтали, но не могли получить. Например, – в темноте сверкнула зловещая улыбка, – мечь. Стоит подписать договор – и ваши враги отправятся на познавательную экскурсию по лабиринту боли.

Демон скалился. На грязном матрасе валялись бумаги несуществующего контракта. И Еву охватила злость. Измученный разум играл с ней, жестоко и изошрённо, рисовал картины одну заманчивее другой. Но всё было иллюзией, защитным механизмом повредившейся психики. На самом деле в проклятом подвале не было никого. Всё это время Ева разговаривала сама с собой.

– И за это я должна отдать душу? – теперь она цедила слова сквозь зубы, но, несмотря на злость, продолжала эту игру: не было ничего страшнее, чем снова оказаться одной в темноте холодного, пустого погреба.

– Да.

– А что будет через восемь месяцев? Я умру? Человек не может жить без души? – Раздражение росло. Почему, ну почему всё это не могло происходить по-настоящему?

Молчание.

– И как я должна подписать контракт? Кровью?

– Не обязательно. Подойдёт всё, что содержит ваше ДНК.

Демон взял в руки договор, перевернул несколько листов и протянул, открытым на нужной странице.

– Подпишите, пожалуйста, здесь, – он ткнул пальцем в специальное поле над чертой.

Ева наклонилась и смачно плюнула на заполненную текстом бумагу. Слюна была розоватой от крови. Молекул ДНК в ней содержалось достаточно.

– Очень щедро с вашей стороны, – невозмутимо заключил демон, и подписанный контракт растворился в воздухе.

Ева подтянула колени к груди и обреченно привалилась к стене. Скоро видение исчезнет – она останется наедине с глухой безысходностью.

– У меня создалось впечатление, что вы до сих пор сомневаетесь в моей реальности. Чтобы вас убедить... – демон склонился над девушкой и коснулся ладонью её щеки, не оставив сомнений относительно собственной материальности.

Глаза Евы распахнулись. Она испуганно отшатнулась от чужой холодной руки и непременно бы закричала, если бы не подавилась воздухом.

Господи боже мой! Перед ней на самом деле демон! Не фантазия! Не какой-то бесплотный дух! Настоящий демон из ада! И она только что продала ему душу! Подписала контракт, не глядя, уверенная, что бредит! Оставила своё ДНК под пятью страницами непонятных символов. Поверила незнакомцу на слово. Не просто незнакомцу – бесу! Что

если её обманули? Да он наверняка её обманул! Если собственной безумной галлюцинации верить можно было, то существо, известному своим вероломством... Что она наделала? Демон расписал её будущее так заманчиво, но всё сказанное уместилось бы в короткий абзац. Что же тогда было на пяти листах контракта, заполненных мелким почерком? Ох чёрт! Она повела себя глупо, неосмотрительно. Но были у неё выбор? Даже если жить ей осталось восемь месяцев, здесь, в подвале заброшенного дома, она умрёт раньше. От свидетелей избавляются. Когда мерзавцам наскучит развлекаться со своей жертвой...

Пусть демон о чём-то умолчал, хуже, чем есть, не будет. Ева так или иначе заключила бы эту сделку. И чёрт с ней, с душой! Долгие годы она представляла Библию сборником мифов, и, как говорила демону в те минуты, когда считала его галлюцинацией: от убеждений сразу не откажешься. Глупо горевать о потере невидимого и неосязаемого, в реальность чего никогда не верила. А вот подписать контракт с непонятной сущностью из другого мира, не ознакомившись с условиями как можно тщательнее, – безумие ещё то!

– Вам не о чем переживать, – заверил новоиспечённый inferнальный союзник, но его подозрительно довольная улыбка утверждала обратное. Демон просто светился от счастья. – Мы можем уйти отсюда в любой момент.

В любой момент...

Внезапно на пленницу обрушилось головокружительное

осознание: она свободна, под защитой сверхъестественного существа, никто и никогда больше её не тронет.

Опустившись на колени, демон принялся осторожно лечить синяки на её лице. Ева решительно отстранила чужую руку.

– Мы уйдём, – сказала она и посмотрела в сторону закрытого люка, – но сначала заставь их страдать.

Часть II. Дом твой – Пустошь

Глава 10

Крепость – не просто место, где обитают жнецы, подобно adeptам замкнутой мужской секты. Не просто хитроумная постройка в массиве каменной гряды, нависающей над морем. Не только сеть коридоров, прорезающих эту скалу насквозь. Не лабиринт из туннелей и комнат, а нечто большее – государство, по площади не уступающее многим городам смертных.

Каждый жнец получает здесь квартиру. Квартиры маленькие и похожие друг на друга, словно ячейки сотов.

Длинные коридоры Крепости убегают во мрак, разветвляются на множество других, узких и тёмных. Заканчиваются тупиками и лестницами, уводящими глубже под землю. Под потолком мерцают лампы, гудя и потрескивая, а между ними змеями вьётся проводка, спускается по отшлифованным стенам, где редкие факелы бросают тени на пол.

Наружных дверей в замке нет. Попасть сюда можно только через окна. Большие и круглые, они испещряют восточную сторону скалы, делая её похожей на муравейник. Вместо стёкол – защитное поле, которое сохраняет в помещениях тепло и служит преградой дождю и ветру. Это поле не пускает внутрь посторонних – тех, кто не числится в базе ком-

пьютера.

В светлой, восточной части Крепости размещаются жилые квартиры, столовая и кабинеты членов Совета. Все помещения в западном, южном и северном направлениях не имеют естественного освещения, как и бесчисленные тесные проходы, соединяющие их.

В мире богов смерти триста шестьдесят дней в году пасмурная погода. Небо затянуто тучами, и нехватка солнца ощущается особенно остро. Самое светлое и потому самое излюбленное место жнецов – столовая. Там собираются шумные компании, стремящиеся занять столики у окон. Далеко внизу море с оглушительным рёвом бьётся в основание утёса.

* * *

Что может быть лучше, чем сидеть за уютным столиком с чашкой кофе, слушая монотонный плеск волн? Прекрасное утро, если твоё настроение не испорчено изначально. Молох вернулся с задания глубокой ночью, ощущая себя мертвее, чем клиенты его разящей косы. Он был уверен, что не сомкнёт глаз, но отключился, едва дошёл до постели.

Утро не принесло облегчения. Сон не прочистил голову. Молох чувствовал себя больным и уставшим, таким же отчаявшимся, как и накануне. Сжимая в ладонях кружку с остывшим кофе, он думал о том, что уже сегодня на Совете его ждут с отчётом. Как же, чёрт побери, всё изменилось! Мир больше не будет прежним.

Нервирующее гудение за спиной, которое жнец старательно игнорировал, взорвалось смехом. Молох обернулся и строго посмотрел на компанию, веселящуюся за соседним столиком. Это были его подчинённые. Их завтрак возмутительно затянулся, полчаса как захватив рабочее время. Заметив начальника, припозднившиеся жнецы похватили подносы, выкинули использованную посуду в специальный контейнер и поспешили к выходу. Молох проводил глазами удаляющиеся спины и, к досаде, наткнулся на пристальный взгляд того, кого хотел бы увидеть в последнюю очередь.

– Надеюсь, после завтрака ты удостоишь Совет своим обществом, – сухо сказал Танатос, сидящий через стол от него. Подозрительно оглядев Молоха, бог вернулся к своей овсянке.

«Он даже не спросил, как всё прошло?! – подумал Молох со злостью. – В конце концов, Росс мой брат».

Брат и самый опасный преступник за всю историю Крепости.

* * *

Совет собрался в одном из тёмных залов западного крыла, но Молох повернул в противоположную сторону: он чувствовал себя неготовым встретиться с верховными богами лицом к лицу и был намерен откладывать неприятный разговор так долго, как сможет. Гремящая лестница с металлическими перилами спиралью закручивалась вниз. С каждым её витком воздух казался более разреженным и тяжёлым. На

верхних этажах Крепости жизнь была ключом: по коридорам деловито сновали жнецы в одинаковых чёрных костюмах и галстуках, кто-то куда-то спешил, кто-то кого-то за что-то отчитывал, слышались сердитые окрики. Здесь же, глубоко под землёй, малейший шорох рождал эхо. Эта часть замка выглядела заброшенной. За столетия крепко запертые двери образовали со стеной монолит: ржавые петли поддавались исключительно магии. Кое-где дерево расколосось. Иногда двери отсутствовали совсем. В тёмных пустых проёмах угадывались очертания офисных столов, опрокинутых стульев, покосившихся стеллажей – всё было покрыто вуалью пыли.

Широкий коридор тянулся, никуда не сворачивая. Лампы поочередно вспыхивали, чтобы тут же погаснуть за спиной: Танатос распорядился экономить электроэнергию. Впереди Молоха ждала последняя лестница, крутая и без перил: справа – стена, слева – пропасть. Опасный спуск по вырезанным в скале ступеням заканчивался у дверей архива. Одна из створок распахнулась, едва не съездив ему по лицу. Наружу, неловко прижимая к груди стопку картонных папок, выскользнул жнец. Смущённо улыбнулся начальнику и поспешил скрыться. Видимо, опасался получить выговор за неподобающий внешний вид: бумагами он прикрывал зелёную рубашку не по уставу. Молох не к месту вспомнив своего непутёвого младшего брата.

Росс тоже любил нарушать правила. Взять хотя бы его синие волосы. Или металлическую штуку в губе. Или дурацкую

одежду из мира смертных: растянутые майки попугайских расцветок, дырявые штаны, которые он называл джинсами, зелёные с мигающими огоньками кеды. Молох раздражённо дёрнул плечом и вошёл в архив.

– О, ты уже вернулся из... Где ты там был? – жнец, сидящий за столом в маленькой проходной комнатке, оторвал взгляд от монитора и с интересом посмотрел на посетителя. – Возьми дневники с верхней полки, – он кивнул на стеллаж, тянувшийся вдоль стены. – Это те, кто должны умереть с десяти до полудня в двадцать девятом секторе. Сейчас во всей оранжевой зоне война. Люди мрут как мухи. Кос не хватает.

– Я здесь не за этим. Мне нужны определённые книги судеб, – Молох протянул жнецу список неприкаянных душ – двадцать убитых синеволосым маньяком мужчин и женщин. Их смерти необходимо было скрыть. Когда настанет срок, указанный в дневниках, он лично отыщет каждую душу и отправит туда, где ей место.

Мужчина за столом нахмурился. Вернувшись к компьютеру, он начал печатать, то и дело сверяясь со списком.

– Хм. Они не из сегодняшних.

– Просто принеси эти дневники.

Металлические ножки стула заскрежетали по полу. Жнец неохотно поднялся из-за стола и скрылся за дверями в другом конце комнаты. Вернулся он через десять минут, неся перед собой кипу идентичных белых папок.

* * *

Бегая от Совета, Молох нигде не задерживался дольше, чем на полчаса. Скорее всего, за ним кого-то отправили, и несчастный взмыленный секретарь носился по этажам, разыскивая игравшего в прятки жнеца. Дневники бессрочно убитых отправились в стол. Закрывшись в кабинете, Молох сидел в темноте, пытаясь подготовиться к неизбежному разговору. Светлую полосу под дверью заслонила тень от ног. Тишину взорвали три коротких удара. Потоптавшись на пороге, преследователь ушёл, заставив Молоха почувствовать себя нашкодившим ребёнком, скрывающимся от взрослых.

Убедившись, что никто не караулит под дверью, мужчина вернулся в свою квартиру. В ванной комнате он положил очки на раковину. Открутил кран. Нагнулся, ополаскивая лицо холодной водой, – и его накрыла истерика. Запрокинув голову, Молох закричал. Тусклая лампа под потолком мигала. Из крана во все стороны хлестала вода. Рубашка намочла от брызг. Мужчина затих. Надел очки и закрутил вентиль.

* * *

Танатос не смотрел – препарировал взглядом, словно силой мысли мог вскрыть чужие души, как раковины моллюсков, извлекая на свет тщательно оберегаемые секреты.

Дубовый стол делил комнату пополам, однако члены Совета казались слишком возбуждёнными, чтобы сидеть на месте. Они тихо переговаривались, ходили из угла в угол, подпирая то одну, то другую стену. Зато Танатос стоял

неподвижно, вцепившись в Молоха янтарными глазами, как клещ.

– Ты поймал его? Он мёртв?

– Я устранил проблему.

Он должен быть убедительным. Говорить громче, чётче, увереннее. Должен затолкать эмоции вглубь. Сыграть свою роль так, чтобы желтоглазый манипулятор поверил его словам.

– Это было нелегко, так?

«Он меня проверяет», – понял жнец.

Липкий ручеек пота сбежал по виску. Две секунды на то, чтобы придумать ответ. Подобрать правильный тон – сухой, решительный, но не слишком равнодушный. Что если добавить в голос эмоций? Танатос никогда не поверит, что смерть брата его не тронула.

– Он был нестабилен. Это была, – Молох запнулся, чтобы показать, насколько тяжело ему далось это решение, – вынужденная мера.

Танатос удовлетворенно кивнул. Другие члены Совета вычленили из разговора главное – угроза устранена, и теперь нетерпеливо посматривали на дверь: никому не хотелось задерживаться в пустой мрачной комнате без окон. Желтоглазый бог небрежно взмахнул рукой, давая понять, что собрание окончено. Окончено для всех, кроме Молоха. Цепкий немигающий взгляд прочно пригвоздил того к полу. Когда за последним из верховных богов захлопнулась дверь, допрос

возобновился. Долгий, выматывающий, продолжающийся не один час.

* * *

Пещера сужалась и расширялась, петляла, убегала глубже под землю. Спуск был крутым, ноги скользили по камням, влажным от срывающегося с потолка конденсата, и, чтобы не упасть, приходилось цепляться за стены. Так легко было повернуться и сломать себе шею!

Иступленный вопль настиг Молоха задолго до того, как он увидел сумасшедшего бога, прикованного к скале на дне глубокой и узкой ямы. Синеволосый безумец орал, не переставая. Эхо разносило его крики по лабиринту пещер, но никто не мог услышать их здесь, в горах выжженной астероидом планеты, необитаемой много тысячелетий. Маньяк поднял голову и, заметив на краю ямы своего тюремщика, растянул губы в улыбке. Не отрывая от Молоха диких, горящих глаз, он начал методично биться затылком о стену, к которой был прикован цепями. Снова и снова, пока не брызнула кровь.

Вздвогнув, Молох попятился от края пропасти, чтобы не видеть жуткого зрелища, рвущего сердце на части. В груди ширилось и росло мучительное чувство вины. Неправильное. Нелогичное. Нездоровое. Годами он скрывал от коллег нестабильное состояние брата, тайно справляясь с последствиями его выходок, и этим дискредитировал Совет, поставил под угрозу весь мир, благополучие каждого в многослойной вселенной, пронизанной бесчисленными вариация-

ми реальностей. Покидая пещеру под острый, разносящийся эхом смех, Молох ощущал вину, но не перед жнецами, которых обманывал, и даже не перед теми, чьи смерти были на его совести, – он подвёл Росса, своего младшего брата. Подвёл, когда отказался слушать, отказался понимать. Как же ненавидел Росс Крепость, узкие коридоры и угнетающий полумрак! Как злила его необходимость следовать раз и навсегда установленному порядку, тысячам бессмысленных правил, касающихся даже таких мелочей, как одежда.

«Я не такой, как ты, как вы все! Я задыхаюсь здесь! Эта Крепость сводит меня с ума!»

«Не говори глупостей».

Молох бежал, поскальзываясь на замшелых камнях, отчаянно карабкаясь вверх, к выходу из туннеля.

«Отпусти меня! Я не хочу быть жнецом!»

«Не дури. Кем же ты тогда будешь? Забирать жизни – наше предназначение».

Он наложил на брата заклятье, не позволяющее покидать Крепость дольше, чем на двенадцать часов, – стандартная рабочая смена.

Безумный хохот затихал вдали. Молох не замечал, что всё время неосознанно касается спрятанных под рубашкой шрамов. Пока он спешил к разверзнувшемуся порталу, его преследовал тихий, но отчётливый перезвон цепей. Молох не мог слышать его на таком расстоянии. Не мог, но слышал.

Глава 11

Поднимался ветер. Тревожный, колючий ветер, несущий запах серы. Я выбрал не лучшее время, чтобы вернуться, но «лучшее время» и нельзя было угадать. Следовало ускориться, во что бы то ни стало добраться домой до темноты, пока земля под ногами не вспыхнула ослепительным пламенем и это пламя не взметнулось до самых небес. Бережно прижимая спящую девушку к груди, я шёл сквозь туман, каждым волоском ощущая приближение Огненной ночи. Воздух густел. Запах серы усиливался. На мне были туфли из мира смертных с тонкими подошвами, сквозь которые я ощущал, как нагревается земля. Скоро этот жар станет нестерпимым.

Ева пошевелилась во сне. В тумане я едва различал её лицо, но отчётливо слышал дыхание, такое громкое в тишине неотвратимо надвигающейся огненной бури. Иногда призрачная завеса рассеивалась, и вдалеке мелькали обугленные остовы деревьев, скаты крыш, очертания домов. Голое, выжженное пространство. Условия непригодные для хрупкого человека, но к которым Еве придётся привыкнуть. Демоны прокляты. И их избранники тоже. И те, и другие обречены жить во тьме, в этой мрачной, туманной пустоши, где время течёт так медленно, будто его нет вовсе.

Ветер стих – плохой знак. Обычная для ада прохлада сменилась опаляющим жаром. Кончики волос Евы начали тлеть.

Я ускорил шаг, не сводя глаз со спасительного дома на горизонте. Туман уступал место наплзающей тьме. Тут и там земля расходилась, выпуская из своих недр столбы ядовитого зелёного газа.

Последние метры я бежал, чувствуя, как плаваются на ногах подошвы щегольских туфель. За спиной с грохотом упали первые камни – острые горящие осколки. Некоторые из них были не больше речной ракушки, другие могли снести дом, если его не защищал купол магии. Пылающая земля сотрясалась. Удары слышались чаще и ближе. Секунда – и я успел захлопнуть дверь вовремя, отсекая нас с Евой от творящегося снаружи безумия.

* * *

Ева проснулась от головной боли, от неопределённого ощущения пустоты, словно она забыла о чём-то важном или что-то потеряла, но что именно не могла вспомнить. Потолок спальни выглядел незнакомым: пожелтевшая побелка в сетке расплзающихся трещин. Он качался над кроватью, опускался и поднимался, становясь то размытым, то чётким. Ева бездумно смотрела вверх. Недавние события пёстрой лентой пронеслись перед глазами, заставив девушку в испуге вскоить с постели.

Где она? Почему жива? Или всё-таки умерла? Что это за место? Ад? Но разве у неё осталась душа, которая могла попасть куда-либо после смерти?

Восемь месяцев пролетели так быстро! Это время могло

стать лучшим в её жизни, если бы не глухая тоска по убитым родителям и сестрѐнке. Болезненные воспоминания врывались в яркие, насыщенные событиями дни, и Ева ощущала себя предательницей, веселящейся на чужих похоронах. Вероломной мерзавкой, похитившей во время кораблекрушения единственную шлюпку.

Потягивая коктейль в открытом кафе, гуляя по морскому берегу в золотистом парео, примеряя очередное дизайнерское платье, она вдруг замирала, впадала в ступор. Всё происходящее казалось не реальнее тени от пляжного зонтика на песке. Что если она всё ещё там, на полу сырого подвала, спит или бредит? Что если она просто сошла с ума? В испуге Ева искала глазами своего мистического спутника, который всегда был рядом, – сидел напротив с нетронутой чашкой латте, шѐл позади, отстав на пару шагов, – и демон, словно старинный друг, сразу понимал, что ей нужно. Насмешливо вздѐргивал бровь, протягивал руку, обжигая прикосновением холодным, как гранит могильной плиты. Раз за разом доказывал свою материальность.

Приглушѐнные на миг краски и звуки возвращались. Плеск волн, шорох песка под ногами больше не казались иллюзией, призрачным эхо из прижатой к уху морской ракушки. Но ощущение, будто она предательница, не покидало, разливалось во рту вязкой желчью. Как Ева может радоваться жизни, когда её сестрѐнка никогда не возьмѐт в руки куклу, не попросит почитать перед сном, не узнает ничего из

тех вещей, которыми она так эгоистично и беззаботно сейчас наслаждается?

Но горе отступало, воспоминания блекли, и отчасти это была заслуга демона.

Ева была ему благодарна. За путешествия по экзотическим местам и за фантастическую, баснословную роскошь, за кажущуюся искренней заботу и тактичные попытки отвлечь от травмирующих мыслей, в конце концов, за художественную выставку, которую он организовал, в тайне собрав её работы и договорившись с одной из студий. Ева старалась не забывать, что за помощь своего inferнального спутника когда-нибудь заплатит сполна, но всё равно привязывалась. Ничего не могла с собой поделаться! Даже замечала, что дразнит демона, словно университетского приятеля. Велар вёл себя как надёжный, деликатный и предупредительный друг, и совсем не походил на коварное исчадие ада, вынужденное прислуживать человеку в ожидании часа расплаты. Но вот восемь месяцев истекли, пронеслись как миг. Ева помнила, как одним солнечным утром открылась дверь её номера – последнюю осень они проводили на побережье Испании в шумном городке Ситжес в сорока километрах от Барселоны – в комнату вошёл демон, остановился в луче падающего из окна света и с мягкой, извиняющейся улыбкой сказал: «Пора». И вот Ева здесь. Понять бы, где именно?

Девушка огляделась по сторонам. Обычная комната в старинном стиле. Двухспальная кровать, свеча на тумбочке,

шкаф в углу. В спальне царила серая полутьма, но сложно было понять, утренний это сумрак или вечерний. Сквозь узкое пространство между неплотно завешенными портьерами сочился неестественный, не солнечный и не лунный, а ярко-оранжевый свет. Ева решительно пересекла комнату, отдернула штору – и отшатнулась от окна, не в силах отвести глаз от жуткой картины развернувшегося за стеклом апокалипсиса.

Горящие камни градом сыпались с неба, вспахивая пылающую внизу землю. Снаружи бушевал чудовищных масштабов пожар, поглотивший всё до чёрного горизонта. Оконное стекло едва заметно светилось, раскаленное, готовое лопнуть. К нему нельзя было не только притронуться – приблизиться: жар шёл, словно из открытой топки котла.

Девушка посмотрела вверх и застыла в ужасе: объятый пламенем астероид неотвратимо нёсся прямо на дом. Прямо на замершую у окна Еву. Сердце остановилось. Особняк накрыла исполинская тень. Ева вскинула руку, инстинктивно пытаясь защититься от смертельной угрозы. Вдруг на её глазах каменный гигант словно натолкнулся на невидимую преграду, вспыхнул факелом, раскололся. Во все стороны полетели тлеющие обломки.

* * *

– И как долго ты собираешься оттягивать неизбежное? – женский голос.

Ева перегнулась через перила лестницы, пытаясь разгля-

деть, что происходит внизу, в гостиной, освещенной пожаром за окнами: не найдя ответов на свои вопросы, она услышала доносившийся снизу шум и отправилась на разведку.

– Что ты здесь забыла? Особенно в такое время, – это был Велар.

Значит, всё-таки ад. Кто бы сомневался? Но зачем Велар притащил её сюда? Почему не забрал душу? Или забрал?

– Теперь ты застряла здесь на всю ночь.

– Не говори, что не рад меня видеть.

– Не рад.

– Врёшь. Врёшь и хочешь кое о чём попросить.

Вел молчал. Женщина поднялась из глубокого кресла, пересекла комнату. Когда незнакомка остановилась напротив окна, Ева смогла разглядеть её, освещённую пожаром, как следует. Чёрные волосы ниже плеч. Матовая, белая кожа. Хищные черты лица. Незнакомка оказалась женской копией Велара, слишком совершенная, чтобы быть человеком.

– Я хочу, чтобы она никогда не узнала правду, – после долгого молчания произнёс демон.

Ева вздрогнула и прижалась к перилам, напрягая слух. Они говорили о ней!

– Не узнала всю правду, ты хотел сказать, – незнакомка сочувствующе склонила голову. – Потому что правду она узнает в любом случае.

«Какую правду?»

Ева попыталась осторожно спуститься по лестнице, что-

бы лучше слышать, о чём говорят внизу, но ступенька под её ногой скрипнула. Раздавшийся в тишине звук привлёк внимание демона и его гости. Те резко обернулись и посмотрели вверх, в сторону лестницы, в тени которой скрывалась девушка. С мучительной неловкостью Ева осознала, что на ней только длинная ночная сорочка. Отчётливо ощутила прикосновение шёлка к нагому телу и поёжилась от ненавистного чувства открытости, уязвимости. В какой-то момент Еве показалось, что демон угадывает очертания её фигуры сквозь тонкую ткань. Смотрит со странным выражением, которого раньше не было в его взгляде. Что это? Голод. Нет. Не может быть.

Усилием воли Ева заставила себя разжать пальцы, судорожно вцепившиеся в перила:

– Вел.

Она так привыкла общаться с этим коварным исчадием тьмы на равных, называть по имени, фамильярничать, будто они приятели, а ведь ситуация изменилась. Кто она здесь? Служанка? Рабыня? Трофей? Зачем-то же бывший союзник притащил её в своё логово.

– Где мы? Что это за место? Ад? Я умерла? – Ева смущённо одёрнула ночную рубашку. – Верни мне, пожалуйста, мою одежду.

Внизу ослепительно сверкнула тонкая демоническая улыбка. Раздался короткий женский смешок. Они находят её забавной? Это было неприятно. Как же хотелось вернуть

контроль над ситуацией, почувствовать себя сильной и защищённой, как раньше. Снова стать той, кто отдаёт приказы. После упоительного ощущения власти над сверхъестественным существом, после осознания собственной значимости, которое давало обладание личным демоном, Ева была не готова вернуться к роли заурядной человеческой женщины. И до дрожи боялась узнать свой новый статус.

Сейчас она была уязвима как никогда. Беспомощна перед могущественным потусторонним созданием, не раз доказавшим свою жестокость. Как легко было забыть, что красивый мужчина с красными глазами, спасший её из плена, не друг, не бескорыстный благодетель, а демон, исчадие ада. И теперь Ева полностью в его власти.

– Я взял на себя смелость заказать вам несколько нарядов. Они в гардеробной. – Демон с лёгкой улыбкой вспорхнул по лестнице и, не сказав ни слова, с почтительностью, достойной вышколенного дворецкого, проводил девушку обратно в спальню.

* * *

Мир рехнулся. Ева не понимала, что происходит, и, сбивая с толку, оставила последние попытки разобраться в ситуации. Она сидела во главе длинного, ломившегося от еды стола, на противоположном конце которого расположились Велар со своей спутницей. Оба не ели, только обменивались выразительными взглядами, наблюдая за Евой, отчего девушке кусок не лез в горло.

Ева потянулась к бокалу и торопливо осушила его под прицелом горящих в полутьме глаз. Вино не помогло справиться с волнением. Незнание пугало. Это несурзное подобие ужина казалось бесконечным. Ева вяло ковырялась в салате. Взгляд соскальзывал в сторону стрельчатых окон, за которыми творилось огненное безумие. Исполинское пламя поднималось до самых звёзд. Стояло плотной стеной, сквозь которую был виден кусочек неба, озарявшегося алыми всполохами всякий раз, когда падающие камни разбивались о невидимую защиту вокруг дома.

– Думаешь, мы надолго здесь застряли? – обратилась женщина, которую демон называл Махаллат, к своему сидящему неподвижно соседу.

Ева отложила вилку в сторону, прислушиваясь к беседе. Кто знает, возможно, удастся почерпнуть что-нибудь важное?

– Прошлая Огненная ночь длилась больше трёх суток, – Белар с раздражением посмотрел на улицу. – Надеюсь, мне не придётся терпеть тебя так долго.

Махаллат рассмеялась. Рыжие отсветы пламени отражались на идеальном лице.

– Не тревожься. Эта ночь будет короткой. Пламя слабеет. Пожалуй, с этим Ева могла бы поспорить. Ей казалось, что адский пожар разгорается только сильнее и вскоре поглотит дом вместе со всеми его обитателями. Девушка снова взяла вилку, чтобы чем-то себя занять. Её не покидало ощущение

ние абсурдности происходящего. Фарса. Весь этот ужин был фарсом, в котором двое сидели перед пустыми тарелками за столом, полным деликатесов, и разговаривали загадками, в то время как третий делал вид, что занят едой, – и всё это на фоне творящегося за окнами апокалипсиса. Что она, чёрт побери, здесь делает?

– Как, кстати, твой голод?

– Притупился, – Велар не был настроен на разговор. Отвечал скупно и неохотно.

– Этой ночью сможешь утолить его полностью.

– Нет!

Ева вздрогнула.

– Почему бы тебе, сестра, не подняться наверх и не переждать Огненную ночь в одной из гостевых спален? – демон больше не повышал голос, но цедил слова со злостью, сквозь зубы. Было заметно, что он едва сдерживается.

«Так это его сестра», – зацепилась за слово Ева.

Красавица, ничуть не напуганная, поднялась из-за стола, глядя на взбешенного демона снисходительно, словно мать на упорствующего ребёнка.

– Хватит себя мучить. Расскажи ей правду. Сомневаюсь, что ты продержишься хотя бы сутки.

– Пожалуйста, Махаллат, уходи.

Девушка пожала плечами и направилась в сторону лестницы. Когда она скрылась в темноте второго этажа, Ева повернулась к демону, чувствуя настойчивую потребность всё вы-

яснить, но не успела сказать ни слова. Велар невесело усмехнулся. Гнев растаял. Теперь демон выглядел усталым и посеревшим, больным.

– Вы получите свои ответы, и, если Махаллат права, очень скоро. Но, поверьте, они вам не понравятся.

Глава 12

Огненная ночь, по словам Велара, длилась восемнадцать часов. Ева не застала момент, когда пожар закончился или пошёл на убыль: демон с сестрой отправились наверх и долго разговаривали на повышенных тонах, а Ева вернулась в комнату и от скуки легла спать. Она чувствовала себя дезориентированной оттого, что сутки в аду – «Пустошь. Не ад. Адом это место называют на Земле» – не соответствуют человеческим. И испытала облегчение, когда демон, будто заправский фокусник, извлёк из воздуха над её плечом круглые часы на старомодной цепочке. Циферблат был мутным и поцарапанным, секундная стрелка заедала, колеблясь между двумя соседними штрихами, но привычная вещь из прошлого, такая обыденная, банальная, странным образом примирила Еву с действительностью. Девушка положила часы в карман и, удивительное дело, почувствовала себя спокойнее.

Как выяснилось позже, это были единственные часы в доме. Демон достал их специально для удобства своей гостьи. Как объяснил Велар, прежде чем отправиться за сестрой, время в аду было понятием условным. Огненные ночи случались два-три раза в год и длились от часа до нескольких суток, в течение которых демоны запирались в магически защищенных домах, полностью отрезанные от внешнего мира. Большую часть времени Пустошь покрывал туман, такой гу-

стой, что перед ним оказывалось бессильно даже безупречное зрение сверхсуществ.

Ева помнила, что лежала в постели и смотрела на пламя за окном, пока глаза сами собой не закрылись от усталости. Огонь заслонял небо. Это был самый внушительный пожар, который ей когда-либо доводилось видеть.

Когда Ева проснулась, за окном шёл снег. Крупные серые хлопья кружились в воздухе, напоминая о детстве и новогоднем вечере, когда они с подружкой вернулись домой, хохочущие и мокрые, после отчаянной войнушки, устроенной с соседскими мальчишками во дворе. Потом они сидели на кухне, закутавшись в пледы, а Марта крутилась рядом, ворчала и подливала в кружки горячий чай. Через открытую дверь в гостиную было видно, как на ёлке мигают гирлянды и всё становится то красным, то жёлтым, то синим. Пахло мандаринами и имбирным печеньем.

Ева смотрела в окно и думала о том, как мерцали стеклянные шары на зелёных колючих ветках, о том, как Кира радовалась подаркам и как шуршала под руками яркая обёрточная бумага. Любимый праздник. Их семью нельзя было назвать дружной, но в это время они сплачивались. Мать вспоминала о своих обязанностях и принималась изливать на дочерей тонны родительской заботы, пытаясь компенсировать одиннадцать месяцев занятости. В эти дни она улыбалась непривычно ласково, а отец выпускал из рук везде-

суший смартфон, чтобы откупорить бутылку шампанского и наполнить бокалы под бой курантов.

Как же Еве скучала по семье, пусть неидеальной, но единственной, которая у неё была.

Вытирая слёзы, девушка, как в детстве, забралась с ногами на подоконник и, присмотревшись, поняла, что с неба пал не снег, а пепел.

Земля, несколько часов назад горевшая и сотрясавшаяся под ударами камней, была до самого горизонта покрыта серым пушистым настом, спрятавшим оставленные метеоритами кратеры. Голая и безжизненная равнина. Ничего на сотни километров вокруг. Пустошь.

* * *

Пепел валил три дня, словно задавшись целью погresti под собой весь мир. Сестра Велара покинула дом, стоило огненной тьме рассеяться. После того гротескного ужина под вспышки взрывов и треск пожара Ева больше её не видела. С тех пор она не видела никого, кроме мрачнейшего с каждым днём демона. Велар не отвечал на вопросы, глядел на Еву то с голодом, то с грустью, то с ненавистью и старался проводить в её обществе меньше времени. Неизвестность пугала, злила, но требовать объяснений у раздражённого исчадия ада, девушка опасалась.

В перерывах между приёмами пищи Ева сидела в своей комнате, где маялась от скуки, не зная, чем заняться. Сложнее всего оказалось привыкнуть к бесконечному дню, не сме-

няющемся сумерками и ночью. За окном всегда было светло: когда Ева ложилась спать и когда вставала. Чтобы как-то ориентироваться во времени, Ева перевела стрелки часов на восемь утра, назначив этот момент точкой отсчёта, и с той поры придерживалась определённого распорядка. Потрёпанный циферблат указывал, когда чистить зубы, а когда переодеваться в пижаму. Стрелки приближались к одиннадцати, и Ева отправлялась в постель с чувством, что укладывается спать посередине дня.

* * *

Пепельный дождь незаметно сменился туманом. Как-то после пробуждения заглянув в окно, Ева не увидела снаружи привычного пейзажа. Не увидела ничего, кроме белой, клубящейся пелены. Так пленница осталась без последнего развлечения: смотреть в окно было бесполезно – в призрачных сгустках не угадывалось даже смутного очертания. Сделалось по-настоящему жутко. Ева поняла весь ужас своего положения: она была заперта в незнакомом доме в компании сходящего с ума демона, лишённая каких-либо прав и отрезанная от остального мира плотной стеной тумана.

Первое время Велар относился к пленнице с большим уважением, чем можно было ожидать от приспешника Сатаны. Но не объяснял, зачем привёл её с собой в ад или, точнее, в Пустошь. Была же в этом поступке какая-то логика? Ева устала задаваться вопросами.

Завтракала она в одиночестве, а ужинала и обедала вни-

зу в столовой вместе с демоном по большей части в полном молчании. Ева вяло ковырялась в еде, пригвождённая пристальным взглядом, и только бог знал, каких усилий ей стоило оставаться на месте, не вскочить со стула и не закричать, требуя прекратить на неё смотреть. Смотреть так. Словно ужин – она. Ужин голодного демона.

Велар ничего не ел, но иногда крутил в ладонях бокал с вином. Казалось, бокал был нужен только для того, чтобы занять руки. Или отвлечься от назойливых мыслей.

Слуг в доме не было. По крайней мере, Ева пока не встретила ни одного. Означало ли это, что Велар готовил для девушки сам? Или в демоническом доме обитал какой-то особый вид слуг, незримых и бесшумных? А может, все эти шикарные сервированные столы создавала магия? Так или иначе, просыпаясь, Ева неизменно обнаруживала на прикроватной тумбочке поднос с завтраком: кофе, молоко, сок, тосты с маслом, с шоколадом, с джемом, хрустящие хлебцы и пышные булочки, фрукты, каши на любой вкус – чего там только не было. К обеду поднос исчезал. Уносил его кто-то или он растворялся в воздухе, Ева не видела.

Не в силах больше смотреть на туман за окном своей спальни, девушка задёрнула шторы и спросила демона о свечах. Велар улыбнулся и взмахнул рукой – под потолком запорхали десятки сверкающих мотыльков, наполняя комнату голубоватым мерцанием. Ева подавила тяжёлый вздох. С каким удовольствием она предпочла бы магии обычное элек-

тричество.

* * *

Ева проснулась от неприятного ощущения, что за ней наблюдают. Когда она открыла глаза, то увидела комнату, погружённую в серый сумрак. Посетовала на разыгравшееся воображение и перевернулась на другой бок, собираясь вздремнуть, как вдруг испуганно подскочила в кровати: в кресле рядом с дверью сидел демон и смотрел так, что она пожалела, что не прячет под подушкой нож или шокер. В алых глазах плескалось безумие.

Ева боялась пошевелиться. Воспоминания обрушились на неё, оглушив. Спустя восемь месяцев она ещё просыпалась по ночам от кошмаров, крича и отталкивая воздух, не терпела прикосновений, каменела, когда ловила на себе заинтересованный мужской взгляд

Но сейчас ей нечего опасаться? Всё в прошлом. Это Велар, а не те скоты с потными телами и жестокими пальцами. Её спаситель. Он ничего ей не сделает. Подобное больше не повторится. Но почему он смотрит на неё так?..

– Вел? – Ева заставила себя окликнуть демона. В конце концов, не пялиться же им друг на друга остаток ночи?

Услышав её голос, Велар дёрнулся. Крепко вцепился в подлокотники кресла, словно таким образом пытаясь удержать себя на месте. Ноздри демона раздувались. Жалобно скрипнуло дерево под сжатыми пальцами – подлокотники кресла превратились в труху. Ева испуганно отползла даль-

ше, на край постели.

Демон поднялся на ноги – его била крупная дрожь – тяжело шагнул в сторону напряжённой девушки, и, словно очнувшись, резко развернулся к двери.

Это случилось равно за неделю до того, как Велар ворвался в комнату посреди времени, которое Ева считала ночью, и девушка получила ответы на свои многочисленные вопросы. И они, эти ответы, как демон и обещал, ей не понравились.

Глава 13

Целый день напряжение сгушалось, к вечеру достигнув апогея. С тех пор как домом Евы стала туманная, лишённая красок Пустошь, Велар впервые не спустился к обеду, пропустил ужин. С удивлением Ева поняла, что не видела своего тюремщика с самого утра. Не то чтобы ей не хватало молчаливого присутствия демона за столом – под его тяжёлым взглядом еда застревала в горле – но в плену любые перемены настораживали. В последнее время бес вёл себя странно. Пугающе.

Закончив с ужином в привычной гробовой тишине, девушка поднялась в комнату. Перед сном она рисовала, выполняла упражнения, совершенствующие технику. Набросала по памяти несколько схематичных портретов погибших родителей и цветную карикатуру на Велара. Заниматься одним и тем же наскучило, но Ева не представляла, что придумать, сидя круглыми сутками под замком в доме, где нет ни интернета, ни телевизора, ни допотопного радио. Девушка исследовала демоническое жилище от подвала до чердака и обнаружила, что все выходы наружу заперты. Она не рвалась прогуляться по загадочному туману, но открытие оставило неприятный осадок.

Изучая второй этаж, Ева наткнулась на обширную библиотеку из тех, что видела только в фильмах: с камином, пе-

реставными лестницами и настоящим читальным уголком. Ева любила книги. Ей нравились и запах свежей типографической краски, и хрупкость старой бумаги, замусоленной, потому что историю читали и перечитывали.

Ева подошла к полкам, с трепетом прикоснулась к пыльным корешкам. К сожалению, на страницах обнаружались незнакомые символы, похожие на арабскую вязь вперемешку с отдельными примитивными рисунками-иероглифами: глаз, лодка, круг с лучами, двойная волна. Текст сопровождался красочными иллюстрациями того, как женщины верхом на драконах неслись сквозь огонь, а существо с крошечной головой и гипертрофированными конечностями пожирало солнце. Ева словно попала в чей-то параноидный сон. Тем не менее она провела не один вечер, листая и разглядывая толстые фолианты в переплётках из мягкой кожи. Это было увлекательнее, чем лежать, уставившись в потолок.

Иногда девушке казалось, что в доме она одна. С демоном, всегда мрачным, всегда молчаливым и раздражённым, они пересекались во время обедов и ужинов. Никто её не ограничивал, в пределах дома Ева могла ходить, где вздумается, но свобода была иллюзорной. Стоило забыться, почувствовать себя единственной обитательницей заброшенного особняка, и Ева ощущала голодный, сверлящий затылок взгляд. Оборачивалась и натыкалась на темноту. Но если девушка не видела демона, это не значит, что демон не видел её.

* * *

Ева собиралась ложиться спать, когда дверь в её комнату распахнулась. От громкого удара деревянного полотна о косяк Ева дёрнулась, вспоминая недавний ночной инцидент. С тех пор девушку не раз будило чужое назойливое внимание, но показывать это Ева не спешила – боялась. Ворочалась, делая вид, что просыпается, и открывала глаза, почувствовав: комната опустела. Кто знает, возможно, это была игра воображения и свихнувшийся демон не приходил по ночам, чтобы наблюдать за ней спящей?

Но сейчас на пороге спальни на самом деле стоял Велар. И его вид внушал панику.

– Ты... хотела получить... ответы, – демон усмехнулся жёстко и незнакомо. Пошатываясь, вошёл в комнату, оставив дверь открытой и едва болтающейся на петлях. Тяжело опустился в кресло, пытаясь нащупать деревянные подлокотники, которые полностью уничтожил в свой последний визит. Не найдя опоры, с обречённым видом переплёл пальцы и рывкнул:

– Сядь.

Вздрогнув, Ева подчинилась. С неприятным удивлением она отметила, что не знает, куда деть руки. Положить на колени? Скрестить на груди? Сидеть перед демоном на кровати в ночной рубашке было неловко. Девушка чувствовала себя мучительно уязвимой. Если бы можно было одеться...

Велар молчал, жадно втягивая ноздрями воздух. Красные глаза казались стеклянными, лицо в тусклом блеске свечи –

серым, болезненным. С лёгкой паникой Ева заметила, что демона трясёт. Непрерывно. Словно при лихорадке.

– Я не забрал твою душу, – заговорил Велар после продолжительного, действующего на нервы молчания. – По крайней мере, не всю.

Девушка в волнении подалась вперёд:

– Не всю?

– Что ты знаешь о демонах? О вечном голоде, который не прекращается ни на миг?

Мужчина тяжело и шумно дышал. Вжавшись в кресло, Велар обхватил себя руками, словно пытаясь унять дрожь. На собеседницу он не смотрел.

– Отодвинься. Твой запах... Я думал, что смогу себя контролировать, но после установления связи стало тяжелее.

– Какой связи? – Ева ничего не понимала, но, видя состояние демона, благоразумно отсела дальше. – Зачем я здесь? В качестве кого?

– Замолчи! Просто сиди и слушай. У нас мало времени. Я едва сдерживаюсь. Не хочу сорваться раньше, чем ты всё узнаешь и сможешь понять, почему я так поступил, почему... сделаю с тобой... это. Хочу... хочу, чтобы у тебя был... выбор.

«Связь? Выбор? Мало времени? Едва сдерживаюсь? Сделаю с тобой это? Что „это“?»

Девушка почувствовала, как нервно затряслись пальцы, и с трудом подавила зарождающуюся истерику.

«Сделаю с тобой это? О чём он говорит, чёрт возьми?! Это же не... Нет! Нет! Он не мог иметь в виду... Конечно же, нет».

После небольшой паузы Вел продолжил:

– У демонов нет души, и поэтому мы постоянно испытываем голод – жуткий, сводящий с ума, занимающий все мысли. Ничто не может его утолить, кроме...

«Кроме?» – Ева снова неосознанно наклонилась ближе.

– Да ради всесильной Тьмы, вернитесь на место! Я же просил вас отодвинуться! – Велар скрипнул зубами, продолжая буравить злым взглядом дверь. – Кроме души единственного человека, который должен стать парой демона.

«Парой? Что значит „парой“?»

Еве стало холодно. Ночная рубашка начала раздражать, казалась слишком короткой, тонкой, липнувшей к телу.

– Это один из сильнейших наших инстинктов: найти пару, присвоить половину её души, утолить голод.

Смутное понимание, ещё не оформившееся в связную мысль, забрезжило на периферии сознания, но Ева запретила себе об этом думать. Просто отказывалась верить в то, что Велар... Нет. Нет! Должно быть другое объяснение. Сейчас, через минуту, секунду демон скажет то, что расставит всё по своим местам. Обязательно. Непременно. И тогда этот липкий, сдавивший тисками ужас исчезнет – она снова сможет нормально дышать.

Впервые за время разговора Велар повернулся и в упор

посмотрел на пленницу. Алые глаза казались воспалёнными, горели нездоровым блеском. На белках отчётливо проступили сосуды. Вертикальные зрачки вытянулись больше, превратившись в едва заметные щели.

– Когда демон находит своего человека, – сказал он, – и Ева вздрогнула, – то стремится заполучить его любой ценой. Ваши церковники и не подозревают, сколько союзов было заключено между демонами и людьми. Брачных союзов.

Глаза девушки распахнулись. Из груди вырвалось что-то среднее между вскриком и сдавленным рыданием. Всё это время Ева запрещала себе анализировать слова Велара, сопоставлять их с собственными наблюдениями, от которых упрямо отмахивалась. Но продолжать прятать голову в песок стало невозможно. То, о чём говорил сейчас её спаситель, было настолько гадко, нежеланно, что хотелось заткнуть демону рот. Закрыть уши себе. Не слышать ни слова.

Наблюдая за реакцией девушки, Велар усмехнулся. Хищно и горько.

– Вы так настойчиво спрашивали меня о своей роли: о том, зачем я привёл вас сюда, в свой дом, почему не убил?

Ева замотала головой, мысленно умоляя демона замолчать. Она не верила. До последнего отказывалась верить.

– В тот момент, когда вы добровольно разделили со мной душу, установилась связь: по законам Пустоши вы стали моей супругой. Теперь у нас одна душа на двоих. Мой голод почти утолён. Почти. Связь нестабильна без физической бли-

ЗОСТИ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.